

УДК 811.512.212, 81'34, 81'33
UDC 811.512.212, 81'34, 81'33

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru

Кравец Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana V. Kravets
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
t_kravetc@mail.ru

Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: androsova_s@mail.ru

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ
СЕЛЕМДЖИНСКИХ ЭВЕНКОВ (ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*
COLLECTIVE PORTRAIT
OF SELEMDZHA EVENKS' SPEECH (PHONETIC ASPECT)**

Аннотация

Статья посвящена фонетическим особенностям языка амурских эвенков, рассматриваемым в рамках теории речевого портретирования как совокупность языковых и речевых характеристик, присущих представителям данного социума, объединённых в национальном и географическом планах. Представлен опыт создания фонетического портрета компактно проживающих эвенков с. Ивановское Селемджинского района Амурской области и дисперсно проживающих в своих охотничьих угодьях на территории Мазановского района эвенков рода Каңаи. Выявлена разнородность речи селемджинских эвенков, хотя звуковые различия родовых групп оказались невелики. Специфика устной речи селемджинских эвенков состоит в «аканье», что относит их говор к восточному наречию. Род Каңаи наиболее активно пользуется языком в повседневном общении. Артикуляции представителей рода свойственны апиальность /t/, /d/, /dʲ/, /n/, /nʲ/ и реализация плоско-

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

щелевого /s/ («шеканье»). Взаимовлияние эвенкийского и русского языков отчётливо прослеживается в национальной речи селемджинских эвенков старшего поколения: веляризация бокового сонорного /l/, сосуществование переднеязычного палатализованного смычного [t̪] и переднеязычного палатализованного аффрицированного [tʃ̪] аллофонов фонемы /tʃ/. Черты взаимодействия с якутской фонологической системой зафиксированы у большинства дикторов и проявляются в сильной огубленности заднерядных гласных /u/, /u:/, /o/, /o:/. Анализ F1 и F2 долгих и кратких гласных выявил их качественные различия, что не совпадает с ранее полученными данными. В отношении согласных зафиксировано отсутствие придыхания у смычных глухих. Основным признаком для различения пар /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/ было поведение голосовых связок.

Abstract

The article describes phonetic features of the language of the Amur Evenks in the framework of the theory of speech portrait as a combination of language and speech properties common for the community members united in terms of national and geographical affiliation. The article presents the phonetic portrait of Selemdzha Evenks' speech. We divided Selemdzha Evenks into two groups: those who compactly live in Ivanovskoye village (Selemdzhinsky district, Amur Region) and those of Kaŋai kin who nomad in their hunting territory (Mazanovsky district, Amur Region). We found certain heterogeneity of the Selemdzha Evenks' speech, although the differences turned out small. Oral Selemdzha Evenks speech has a-like accent as a characteristic feature of the Eastern dialect group. Kaŋai kin most actively use their national language in daily communication. Kaŋai representatives preserve apical articulation of /t/, /d/, /di/, /n/, /ni/ and practice flat dental articulation of /s/ («lisps»). Strong Russian-Evenki language interference can be clearly seen in velarization of sonorant /l/, coexistence of voiceless plosive palatalized apical [t̪] and voiceless palatalized affricate [tʃ̪] as allophones of the phoneme /tʃ/. Yakut-Evenki language interference affected all our subjects in terms of strong lip-rounding of back vowels /u/, /u:/, /o/, /o:/. F1 and F2 measurements of long and short vowels demonstrated their difference in quality – the result not found in previous studies. Acoustic analysis also demonstrated the lack of originally present aspiration in realization patterns of voiceless plosive consonants. The main feature to distinguish between voiceless-voiced pairs /p/-/b/, /t/-/d/ /k/-/g/ was vocal chords off-on pattern.

Ключевые слова: фонетический речевой портрет, языковая личность, селемджинский говор эвенкийского языка, гласные, согласные, акустические характеристики.

Keywords: phonetic speech portrait, linguistic personality, Selemdzha local accent of the Evenki language, vowels, consonants, acoustic properties.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_58_103

1. Введение

На всём протяжении развития лингвистики проблема языковой личности обсуждалась неоднократно [Нерознак, 1996; Красных, 2001; Виноградов, 1930; Weisgerber, 1962; Караулов, 1982]. Так, рассуждая о языковой личности, Ю. Н. Караулов упоминает об уровнях её организации:

структурно-языковом, отражающим степень владения обыденным языком и лингвокогнитивном, то есть отражающим личность в описании языковой модели мира, которые обладают как стабильными, так и изменчивыми чертами [Караулов, 2010, с. 37–38], которые в свою очередь проявляются в речи человека.

Антропоцентрический подход к изучению языковой личности на стыке таких наук как этнология и лингвистика, психология и лингвистика, прагматика и лингвистика, социология и лингвистика и так далее позволил исследовать личностные характеристики, влияющие на речеобразование, что привело к формированию особого направления, изучающего языковую личность с точки зрения описания её речевого портрета. В отечественном языкознании идею фонетического портретирования в 60-х годах XX века выдвинул представитель Московской социолингвистической школы М. В. Панов [Панов, 1990]. В дальнейшем фонетическое, а затем речевое портретирование как метод описания языковой личности, нашёл широкое применение в современной лингвистике и стал актуальным в отечественных лингвистических исследованиях [Земская, 2011 ; Николаева, 1991 ; Бабушкина, 2012 ; Крысин, 2003 ; Китайгородская, Розанова, 1995 ; Оглезнева, 2005 ; Сиротинина 1996].

Т. П. Тарасенко понимает речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования», в котором находят отражение такие аспекты личности, как: 1) возрастные, 2) гендерные, 3) психологические, 4) социальные, 5) этнокультурные, 6) лингвистические. [Тарасенко, 2007, с. 8]. С. В. Леорда также связывает речевой портрет с языковой личностью и считает проблему речевого портрета частным направлением исследования языковой личности [Леорда, 2006, с. 4].

В научной литературе принято различать два направления в речевом портретировании: создание индивидуальных и коллективных, национальных портретов. Е. А. Оглезнева утверждает, что, несмотря на то, что речевой портрет отражает индивидуальные черты речи конкретного говорящего, он представляет языковое бытие социальной группы, к которой относится говорящий, и в этом смысле любой речевой портрет – явление типическое [Оглезнева, 2005].

Как отмечает Г. Г. Матвеева [Матвеева, 1993, с. 14], в центре внимания индивидуального речевого портрета находится индивидуальный стиль, отражающий особенности конкретной языковой личности. Такой портрет чаще всего составляется при исследовании личности неординарной, элитарной, которой свойственно творческое отношение к языку. Кроме того, индивидуальный речевой портрет даёт возможность судить о речевых характеристиках той или иной социальной группы. Коллективный речевой портрет позволяет обобщить явления, присущие определённому кругу людей, объединённых в национальном, возрастном, социальном, профессиональном плане. Речевой портрет позволяет выявить особенности языковой личности и её принадлежность к определённой социальной группе. Таким образом, несмотря на пристальное внимание к инди-

видуальным особенностям речи субъекта учёные акцентируют своё внимание на характеристиках, типичных для той или иной социальной группы.

Метод речевого портретирования характеризуется достаточной вариативностью, поскольку в зависимости от сформулированных целей и задач могут различаться исследовательские стратегии, меняться параметры портретирования и так далее [Иванцова, 2008, с. 36].

Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности. При этом возможно описание не всех слоев языка, так как «языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам» [Николаева, 1991, с. 73]. Часто создание речевого портрета имеет целью реконструкцию языковой личности лишь по одному уровню, изучить только одну сторону речи: фонетический, лексический или синтаксический уровень. Объектом исследований, охватывающих все языковые уровни, часто выступает коллективный речевой портрет. В исследованиях при характеристике речевого портрета большое внимание уделяется языковым особенностям: например, при проведении анализа речи носителя литературного языка в качестве аспектов исследования могут рассматриваться соответствие ортологическим нормам, изучение орфоэпических вариантов [Китайгородская, Розанова, 1995], синтаксические конструкции в формировании речевого портрета персонажа [Голубева, 2002 ; Колокольцева, 2015].

Большинство работ по анализу речевого портрета основано на устных и письменных источниках. Материалом для исследования служат написанные от руки тексты и магнитофонные записи, тексты художественных произведений, данные лингвистических экспериментов.

Одним из самых важных моментов в характеристике речевого портрета, по мнению Т. М. Николаевой, является фиксация наиболее ярких элементов [Николаева, 1991, с. 73]. В связи с этим, описание всех уровней языка не является обязательным, основополагающей является характеристика языковых особенностей и особенностей речевого поведения.

Описание речевого портрета предполагает сбор информации о говорящем субъекте. Наименее трудоёмкой является процедура сбора информации о языковой личности с опорой на её письменный дискурс или его имитацию, однако полученные в этом случае данные недостаточны для всесторонней характеристики исследуемого объекта и требуют разработки методов реконструкции его внеязыкового компонента. Наиболее разносторонние и полные сведения о различных сторонах феномена языковой личности даёт непосредственное наблюдение, но при этом весьма сложной задачей является фиксация речи информанта в естественных условиях общения. В настоящее время выработано несколько методик сбора речевого материала посредством записи спонтанной речи индивида [Иванцова, 2008, с. 29].

В отечественной практике фиксации речи конкретных языковых личностей используется «включённое наблюдение», которое подразумевает длительное, непрерывное и систематическое наблюдение над объектом [Крысин 1994 ; Коготкова, 1975].

Основной метод сбора материала может дополняться традиционными приёмами наблюдения (не содержащего компонента «соучастия»), прямого опроса, лингвистического интервьюирования, тестирования [Тимофеев, 1971]. При изучении языковой личности упоминается также анкетирование, однако в реальной практике исследования отдельных индивидов оно встречается редко [Панов, 1990].

Для анализа речевого портрета существуют и другие подходы к сбору материала. Это разного рода экспериментальные методы, ориентированные на получение интересующих лингвистов данных от носителей литературного языка. Не последнее место в этом списке занимает ассоциативный эксперимент [Аниськина, 2001 ; Лингвоперсонология ..., 2006].

Метод речевого портретирования отличается широкой вариативностью. При исследовании реальных языковых личностей распространённым является активно используемый в лингвистике описательный метод (метод научного описания), заключающийся «в планомерной инвентаризации единиц языка и объяснении особенностей их строения и функционирования» [Ахманова, 2007, с. 233].

Последние годы в область описания языковой личности широко внедряется выделившийся как самостоятельный лексикографический метод лингвистики, заключающийся в представлении разнообразных свойств языковых единиц посредством упорядоченной определённым образом системы словарных статей. Например, данный метод использован для создания звуковой иллюстрированный эвенкийско-русско-английский тематический словарь [Словарь ..., 2017], главной целью которого является документирование и сохранение звуковых образцов исчезающей речи селемджинских эвенков.

Большинство фрагментарных портретов имеет социолингвистическую направленность. Центральное место в них обычно занимает поярусное описание языковой системы информанта, встречаются наблюдения над речевым поведением; как правило, приводятся биографические сведения о говорящем, иногда в портрете представлен образец текста. Характеристика индивидуальных особенностей в речи субъекта сочетается с выделением черт, типичных для той или иной социальной группы, причём акцент делается именно на последних. Этот вид портретирования подразумевает выявление специфических черт языковой личности на фоне социолингвистических переменных [Оглезнева, Блохинская, 2015]. К социолингвистическим можно отнести в первую очередь наиболее многочисленные на сегодняшний день портреты языковых личностей русского зарубежья – эмигрантов первой волны и их потомков [Оглезнева 2005, с. 101]. Среди индивидуальных портретов, репрезентирующих другие социолингвистические типы, выделяются портреты носителей диалекта [Оглезнева, 2004], эмигрантов [Язык русского зарубежья, 2001], старшеклассников [Аниськина, 2001]. Для обозначения этой разновидности описания языковых личностей в лингвистике закрепляются близкие по форме и семантике термины «социолингвистический портрет» [Николаева, 1991], «социально-речевой портрет» [Крысин, 2003 ; Оглезнева, 2004]. Как отмечает Н. В. Аниськина, благодаря такому описанию, «...мы получаем речевой портрет отдельного

человека, отражающий как его общие черты, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств..., так и его индивидуальные черты, присущие ему как личности» [Аниськина, 2001, с. 207].

В проекте исследования феномена конкретной языковой личности, предпринятом исследователями Томской лингвистической школы, разрабатывается тип недифференциального комплексного речевого портрета, включающий системное описание всех отмеченных в дискурсе информанта особенностей идиолекта – фонетических, грамматических, лексических, синтаксических, текстовых – в сочетании с изучением языкового сознания говорящего и его концептосферы [Иванцова, 2008, с. 38]. Схема или моделирование описания речевого портрета разнообразны. В структуре описания речевого портрета Ю. Н. Караулова, например, находится самая известная «трехуровневая модель языковой личности»: 1) вербально-семантический уровень; 2) когнитивный уровень; 3) прагматический уровень [Караулов, 2010, с. 38–39; Китайгородская, Розанова, 2003, с. 182].

Появление динамично развивающегося направления в исследовании языкознания – понятия «дискурс» – предоставляет новую точку зрения в исследовании речевого портрета языковой личности. По определению, предложенному К. Ф. Седовым, дискурс – это «речевое произведение в индивидуальном исполнении – и в устной, и в письменной форме, которое используется в процессе социального взаимодействия людей, и в котором находят непосредственное воплощение все функции языка, уровни языковой системы» [Седов, 2004, с. 56].

В теории речевого портретирования нередко используется метод матричной реконструкции, адаптированный для решения задач описания лингвистического ландшафта (обобщённого речевого портрета) конкретного региона [Милованова, 2012]. Динамическая матрица речевого портрета реконструируется на основе модели описания речевого портрета Е. В. Осетровой с позиций дискурсивного подхода на примере речевого портрета российских политиков. Данная модель существует в двух планах: содержательная составляющая и речевая (коммуникативная) составляющая [Осетрова, 1999]. Этот метод представляет собой комплексное рассмотрение языковых явлений по типу матриц, которые отражают набор определённых величин, расположенных в виде таблицы [Лопушанская, 2005, с. 16]. Использование метода матричной реконструкции позволяет соотносить реальные величины разного порядка с целью выявления характера их соотношения, а точнее – представленности единиц в речи разных социальных групп носителей диалектов. Как реальные величины рассматриваются фонетические, грамматические, лексические, словообразовательные особенности, а также пол, возраст, образование, социальный статус информантов [Лопушанская, 2005; Немировская, 2009]. Таким образом, портретирование, вслед за Е. А. Иванцовой, может быть определено как «планомерное описание особенностей языковой личности в соответствии с поставленными исследователем задачами» [Иванцова, 2008, с. 39].

Что касается объекта портретирования, то в настоящее время в лингвоперсонологии наблюдается расширение: от персоны к типажу, а затем к

более широким общностям людей – вплоть до региона и страны, с одной стороны, и – с другой, к текстovým реальностям как продуктам речевой деятельности людей [Регионы России ..., 2009]. В современных исследованиях термин «языковой портрет» оказывается в одном ряду с терминами «языковой облик» и «лингвистический ландшафт» города [Сиротинина, 1988; Грачев, Романова, 2006, 2008]. Суженным вариантом социолингвистического или «лингвоисторического» портрета является уровневый, отражающий только один из ярусов языковой системы индивида. Данная разновидность описания языковой личности восходит к серии фонетических портретов [Слесарева, 1997].

Фонетические, а именно произносительные, черты – наиболее характерный показатель речи человека, определяющий социальную принадлежность языковой личности. Кроме того, навыки реализации сегментных единиц и интонационных моделей, которыми человек овладевает с детства, не осознаются самим говорящим, действуют автоматически (в отличие от выбора слова, который часто бывает вполне осознан и взвешен): самоконтроль того, как вы произносите тот или иной звук, в нормальной речи затруднён или даже невозможен. Если начать обращать внимание на звуковую сторону ваших слов и тем самым отвлекаться от их смысла, то вскоре можно потерять нить разговора, и речевое общение нарушится. Таким образом, манера произношения – достаточно объективный критерий, по которому можно судить о личности говорящего [Крысин, 2004, с. 159].

В речевом портрете говорящего человека отражаются фонетические характеристики личности, относящиеся к сегментному и суперсегментному уровням: мелодика, темп, паузация, скорость речи, способ приостановки, эмоциональная нагрузка и другие. Такие портреты описывают индивидуальную манеру произношения отдельного, данного человека. При этом, их социальная и общекультурная ценность несомненна, поскольку каждый портрет отражает особенности речи определённой общественной среды, которую представляет «портретируемый». А. Н. Рахматуллина подтверждает эту мысль, говоря, что «в социолингвистических исследованиях речевое и фонетическое портретирование позволяет через анализ консонантизма, вокализма и интонационных характеристик выявить те черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой принадлежности» [Рахматуллина, 2011, с. 42].

Фонетические характеристики речи говорящего являются отражением личностных характеристик, заключённых в его речевом портрете и включающих в себя возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические особенности [Бабушкина, 2012, с. 9]. При изучении лингвистических особенностей очень важны данные о месте рождения и месте постоянного проживания носителя того или иного языка, другими словами – территориальные черты.

Целью данного исследования является создание фонетического портрета носителей селемджинского говора эвенкийского языка – эвенков, проживающих в Селемджинском районе Амурской области Дальневосточного Федерального округа Российской Федерации.

2. Фонетический портрет селемджинских эвенков

2.1. Материал и методика исследования

Для выявления фонетических характеристик, присущих селемджинскому говору, было предпринято экспериментально-фонетическое исследование, материалом которого послужили списки изолированно произнесённых слов и спонтанная речь шести дикторов, для которых эвенкийский язык является родным, постоянно используется в кругу семьи и родственников. Актуальность данной работы связана с проблемой возрождения исчезающих языков и сохранения информации по языковому разнообразию и культурно-историческим ценностям человечества, а также разработки звуковых фондов на материале исчезающих языков.

2.2. Статус и социолингвистическая структура эвенкийского языка

Отмечая кризисное состояние культуры и языка амурских эвенков, Н. Я. Булатова констатирует, что эвенкийский язык значителен как исчезающий, терпящий бедствие и, на сегодняшний день, будучи фактически малоизученным и практически системно не описанным, снижает свой социальный статус в пределах области, сужается сфера его употребления в качестве основного средства общения в национальных посёлках [Булатова, 1987, с. 9]. Кроме этого, большая диалектная раздробленность (в эвенкийском языке три наречия и более 50 говоров) не только увеличивает количество материала, подлежащего описанию, но и затрудняет фонологическую интерпретацию некоторых фонетических явлений. Поэтому необходимо не только дать фонетическое описание звукового состава языка, но и системы фонем эвенкийского языка.

Эвенкийский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. Выделяется три группы диалектов: северная, южная и восточная. Каждый диалект подразделяется на говоры [Булатова, 1987]. В. И. Цинциус и Н. Я. Булатова [Цинциус, 1949, с. 12–13; Булатова, 1987, с. 81–87] предлагают уточнённую классификацию говоров эвенкийского языка. Ими выделяются три наречия, распадающихся более чем на 50 говоров.

I. Северное (спирантное) наречие. Оно включает два диалекта: 1) илимпийский: говоры – илимпийский, агато-большепорожский, туринский, тутончанский, дудинский или хантайский; 2) ербогачёнский: говоры – ербогачёнский, наканновский.

II. Южное (сибилянтное) наречие. Оно состоит из двух подгрупп: а) шекающая, б) секающая. Ш е к а ю щ а я (шипящая) подгруппа включает два диалекта: 1) сымский: говоры – токминский или верхненепский, верхнеленский или качугский, ангарский; 2) северобайкальский: говоры – северобайкальский, верхнеангарский. С е к а ю щ а я (свистящая) подгруппа объединяет три диалекта: 1) подкаменно-тунгусский: говоры – байкитский, ванаварский, куюмбинский, полигусовский, суриндинский, таймурский или чириндинский, учамский, чемдальский; 2) непский: гово-

ры – непский, киренский; 3) витимо-нерчинский или баунтовско-талочский: говоры – баунтовский, талочский, тунгукоченский, нерчинский.

III. Восточное (сибилянтно-спирантное) наречие. Оно представлено семью диалектами: 1) витимо-олёкминский: говоры – баргузинский, витимский или каларский, олёкминский, тунгирский, токкинский; 2) верхнеалданский: говоры – алданский, верхнеамурский, амгунский, желтулакский, тимптонский, томмотский, хинганский, чульманский, гилнойский; 3) учурско-зейский: говоры – учурский, зейский; 4) селемджинско-буреинско-урмийский: говоры – селемджинский, буреинский, урмийский; 5) аяно-майский: говоры – аянский, аймский, майский, нельканский, тоттинский; 6) тугуро-чумиканский: говоры – тугурский, чумиканский; 7) сахалинский говор.

Язык эвенков Амурской области представлен тремя говорами: зейским – говор эвенков с. Бомнак Зейского района, желтулакским – говор эвенков сёл Усть-Нюкжа, Первомайское и Усть-Уркима Тындинского района, селемджинским – говор эвенков с. Ивановское Селемджинского района. Все эти говоры относятся к восточному наречию эвенкийского языка [Пылаева, 2003, с. 59].

Селемджинские эвенки проживают на северо-востоке Амурской области в горно-таёжной местности, приравненной к территориям Крайнего Севера. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», местом компактного проживания селемджинских эвенков считается с. Ивановское Селемджинского района Амурской области. По данным статистики Ивановского Сельсовета на 01.01.2016 г., в с. Ивановское проживало 396 чел., из них – 322 эвенка (81,5 %) шести эвенкийских родов (Бута, Эдян, Лалигир (Лалэгэрдар), Кумкада, Канāи, Мэнэмну (Моно) в порядке убывания количества представителей каждого рода). Эвенкийских родов Аинггагир, Бэтум [Василевич, 1958, с. 576–577], Бэтуң, Буллот [Болдырев, 2013, с. 11], ранее проживавших на территории Селемджинского района Амурской области, уже не зарегистрировано. Население села формировалось из разных миграционных потоков, прибывающих из пос. Якутская Стойба, Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края, Зейского района Амурской области.

Село Ивановское отличается по разнородности этнического состава населения и превосходит другие сёла Амурской области по количественному составу этнических эвенков: 322 эвенка, 60 якутов, 20 представителей других национальностей. Основными видами традиционной деятельности селемджинских эвенков являются оленеводство, охотничий промысел, пошив национальных изделий, сбор дикоросов.

Селемджинский говор относится к селемджинско-буреинско-урмийскому диалекту восточного наречия эвенкийского языка северной ветви тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи [Булатова, 1987, с. 81–87]. Предки проживающих ныне в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области эвенков – это эвенки ранее существо-

вавшего в Амурской области пос. Якутская Стойба и переселившаяся часть эвенков из Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края. Причём эвенки пос. Якутская Стойба были эвенкийско-якутскими билингвами. Прибывшие в с. Ивановское тугуро-чумиканские переселенцы – только эвенкоязычными. В силу смешения населения, эвенкийский язык села характеризуется разнородностью.

К селемджинскому говору мы также относим язык эвенков рода Каңаи (численность рода на февраль 2017 г. составляет 18 чел.), отдельно проживающих на территории Мазановского района в своих охотничьих родовых угодьях. Между эвенкийским родом Каңаи и эвенками с. Ивановского существовали и существуют постоянные связи, между ними заключались брачные союзы, производился обмен оленями и тому подобное. Эвенки рода Каңаи (семьи Яковлевых и Стручковых) изначально проживали по р. Норе и её притокам. Среди населения эту обособленно живущую группу эвенков принято называть «эвенками норской группы» или «единоличниками». Имея прописку в селах Майское, Новокиевский Увал, Дугда, норские эвенки предпочитают жить в местах, исконно принадлежащих их предкам, на северо-востоке Мазановского района в тайге, находящейся за Норским заповедником, а именно, по берегам рек Нора, Желтула, Асмакан, Эгор.

Перейдём к анализу дистрибуционных особенностей селемджинского говора, отличающих его от литературного эвенкийского языка и других говоров. Прежде всего, следует подчеркнуть ряд дистрибуционных отличий, касающихся согласных. Во-первых, по своим фонетическим характеристикам селемджинский говор характеризуется как сибилантно-спирантный на основании дистрибуции (распределения) глухих щелевых согласных /s/ и /h/, подчиняющихся следующему правилу реализации: в начальной позиции встречается как переднеязычный /s/, так и фарингальный /h/ (напр., *сулаки* «лисица», *нокто* – «дорога»), в интервокальной позиции в слове реализуется только фарингальный /h/ [Константинова, 1964, с. 4]. Приведём следующие примеры: *ахи* «женщина» (лит. *аси*); *ухи* «уздечка» (лит. *уси*), *оха* «камыс» (лит. *оца*). Однако в сочетании *-кса* указанной замены не происходит и фонемный состав соответствует литературному, например, *туксакй* «заяц», *сэксэ* «кровь», *тамнакса* «туман», *сулакйкса* «лисыя шкура», *эмэксэ* «придя», *дукукэй* «написав».

Во-вторых, в речи селемджинских эвенков суффикс винительного падежа *-ва* после носовых согласных ассимилирует и имеет форму *-ма*, а после основ с конечным глухим согласным – *-на*, после основ с конечным «к» – *-ка* (*дуруккан* «всех»). Безлично-притяжательный суффикс ед. ч. *-ви свой* и мн. ч. *-вар, свой* после носовых н ассимилирует и имеет формы соответственно *-ми* и *-мар*, после согласного «ң» – *-ңи* и *-ңар*, после основ с конечным глухим согласным – *-ни* и *-нар*, после суффикса мн. ч. – *-би, -бар*.

В-третьих, в селемджинском говоре эвенкийского языка зафиксировано функционирование ассимилированных геминированных согласных на месте некоторых гетероганных сочетаний: *-лл-* (лит. *-лд-*), *-нн-* (лит. *-нд-*),

например, *олло* «рыба», *уллэ* «мясо», *иллэ* «тело», *нанна* «шкура», *дуннэ* «земля».

Своеобразие звукового строя селемджинского говора эвенкийского языка также проявляется в отличной от литературного эвенкийского дистрибуции гласных долгого /з:/ и /а:/ в речи селемджинских вместо /з:/ реализуется /а/. Данная диалектная черта свойственна большинству восточных говоров эвенкийского языка, благодаря чему восточные эвенкийские говоры в некоторых литературных источниках по эвенкийскому языку получили название «акающих».

При анализе языковой структуры селемджинского говора необходимо учитывать фактор влияния якутского и русского языков. Яркие черты взаимовлияния родного эвенкийского и русского языков уже отчётливо заметны в национальной речи селемджинских эвенков старшего поколения. На звуковом уровне следует отметить веляризацию бокового сонорного /л/, сосуществование переднеязычного палатализованного смычного [tʲ] и переднеязычного палатализованного аффрицированного [tʃʲ] аллофонов фонемы /tʃ/. Черты якутской фонологической системы в речи селемджинских эвенков проявляются в сильной огубленности заднерядных эвенкийских гласных /u:/, /u/, /o:/, /o/. Русско-якутский акцент в речи селемджинских эвенков можно охарактеризовать как стабильный, так как он зафиксирован у большинства участвующих в записи дикторов.

В ходе изучения социолингвистической ситуации у селемджинских эвенков Амурской области были выявлены обстоятельства, определяющие усвоение эвенкийскими детьми черт артикуляционного уклада, свойственного русскоязычному населению. Артикуляционно-акустическая база как динамический стереотип, видоизменяясь, передаётся из поколения в поколение в своих существенных чертах до тех пор, пока этнос сохраняется как компактная общность [Селютина, 2011, с. 14]. Известно, что построение артикуляционно-акустической базы происходит у ребёнка в возрасте от девяти месяцев до двух лет в процессе общения с матерью (другим воспитателем). Позднее же – от двух до пяти лет – присущий этносу динамический стереотип артикуляционно-акустических привычек закрепляется в сознании на всю жизнь. Многочисленные исследования артикуляторных баз этносов Сибири и сопредельных регионов, проводимые Лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН, демонстрируют факт социальной природы артикуляционно-акустической базы этноса, нежели биологической. Данное обстоятельство говорит об определяющей в формировании артикуляционно-акустической базы роли окружающей ребёнка социальной среды, а не особенностей речевого аппарата представителей этноса [Селютина, 2011, с. 16].

Так, в 70-е гг. прошлого столетия на территории с. Ивановского Селемджинского района Амурской области начинает работу детский комбинат для эвенкийских детей (аналог современного комбинированного детского сада-яслей), где малыши с двухмесячного возраста круглосуточно находятся в течение пяти дней в неделю. Только в выходные у родителей

имеется возможность провести время с ребёнком в кругу семьи. Персонал в Ивановском детском комбинате, а затем в средней общеобразовательной школе, состоял из смешанного русскоязычного и эвенкоязычного населения. Важно отметить, что общение воспитателей и учителей с детьми и обучение в школе осуществлялось на русском языке. Эвенкийский язык в школе преподавался только на начальном этапе – со второго по четвёртый класс [Морозова, 2015, с. 75]. Согласно данным анкетирования, проведённого в июле 2011 г., 52–53-летние представители селемджинского говора эвенкийского языка ещё обладают связной речью на эвенкийском языке, 45-летние селемджинские эвенки, воспитывающиеся в детских комбинатах, уже не говорят на родном языке, хотя знают много отдельных эвенкийских слов, используемых в традиционной хозяйственной деятельности.

Кроме того, необходимо констатировать, что фонетическая сторона исконно эвенкийской лексики, характеризующей традиционный уклад жизни, в речи среднего и молодого поколений селемджинских эвенков претерпела значительные изменения. Это касается в первую очередь, артикуляционного уклада произносительных органов, который характеризуется своей дорсальной природой в отличие от свойственной эвенкийскому языку апикальной (кончик языка при производстве речи поднят к верхним альвеолам). По нашим данным, около 8 человек старшего поколения из 330 жителей села (2% всего населения) сохраняет национальный апикальный уклад артикуляции. Произнесение дорсальных эвенкийских согласных вместо апикальных на слух малозаметно. Однако этот незаметный перенос в эвенкийскую речь типичных произносительных особенностей русского языка говорит о смене у современных эвенков языковых механизмов производства и восприятия родной речи.

2.3. Фонологическая система

2.3.1. Инвентарь согласных

Инвентарь согласных фонем селемджинского говора включает 18 фонем, примыкая к языкам консонантного типа: количество эвенкийских согласных достигает 62% всего фонемного инвентаря (18 согласных при 11 гласных). В фонологической системе согласных селемджинского говора эвенкийского языка (табл. 1) существуют две основные противопоставляющие друг другу категории – шумные /p, b, t, tʃ (tʰ), d, dʰ, k, g, s, h/ и сонанты /m, n, nʲ, ŋ, β, l, j, r/. В категории шумных имеются две оппозиции – смычные /p, b, t, tʰ, d, dʰ, k, g/ и щелевые /s, h/. Все смычные представлены парами – глухой и звонкий, фонологическое противоположение которых состоит в наличии или отсутствии голоса. Признак придыхательности уже не является для эвенкийских шумных смычных согласных релевантным (ср. [Матусевич, 1960, с. 134]). Вывод о признании ведущим признаком для различения пар /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/ поведение голосовых связок также сделан в работе коллектива новосибирских исследователей [Сравнительное ..., 2013]. Шумные щелевые, в противоположность смычным, не имеют звонких пар, а их количество сводится всего к двум согласным – /s/ и /h/,

фонологический статус которых является спорным вопросом эвенкийской фонологии. Внутри категории сонантов выделяются группы смычных /m, n, n', ŋ/, щелевых /β, l, j/ и дрожащий /r/. Необходимо отметить, что в речи некоторых селемджинских эвенков не зарегистрировано аффрикат, в частности /tʃ/, на письме передаваемой буквой «ч», в отличие от, например, томмотского говора (/tʃa:lba:n/ *чалба̄н* – «берёза», /tʃa:/ *ча̄* – «чёрный коршун» и др.) [Андреева, 1988, с. 42]. В соответствующих позициях реализуется переднеязычный смычный палатализованный /tʃ/, что было подтверждено в лаборатории экспериментальной фонетики Амурского государственного университета двумя экспертными группами, проводившими записи речи от носителей селемджинского говора эвенкийского языка (август 2011 г., декабрь 2012 г.).

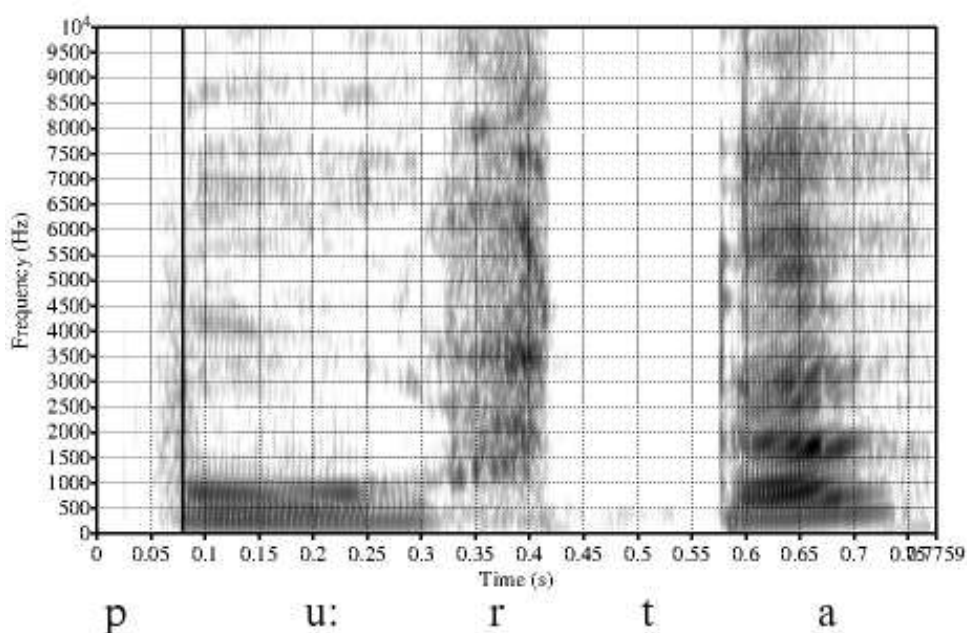
Т а б л и ц а 1. Артикуляционная классификация согласных фонем в селемджинском говоре эвенкийского языка

Активный орган Способ образования		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Фарингальные
		Шумные	Смычные Щелевые	p b -	t d tʃ (t) dʃ	- -
Сонанты	Смычные	m	n nʲ	-	ŋ	
	Щелевые	β	l	j	-	-
	Дрожащие	-	-	r	-	-

2.3.2. Артикуляционно-акустическое описание согласных звуков селемджинского говора эвенкийского языка

/p/ – шумный смычный губно-губной глухой согласный. Его произнесение начинается с губной смычки, за которой следует слабый взрыв, который в превокальной позиции может сопровождаться турбулентным шумом, который не выражен в сочетании со следующим согласным в середине слова. Согласный /p/ встречается во всех позициях: /po:ta/ «сумка», /tʃu:pa/ «каша», /badapki:/ «сухая ветка», /tapkami:/ «аплодировать», /uɣupsz/ «весело», /dʒlɣkzmi:/ «колоть дрова», /aɣpulmi:/ «махать», /dʒampan/ «палатка», /lampi:/ «упряжь», /szp/ «инструмент» [Морозова, 2015, с. 121], /pu:ɾta/ «длинный нож» (рис. 1), /tiŋzɣtun/ «ремень для стягивания седла, вьюка» (рис. 6), /tʃorko/ «ущелье» (рис. 7). В речи селемджинских представителей рода Бута губно-губной глухой смычный /p/ широко варьирует. Этой вариативности способствуют: 1) ослабление смычки, ослабление взрыва и сокращение его по времени; 2) потеря придыхания; 3) озвончение

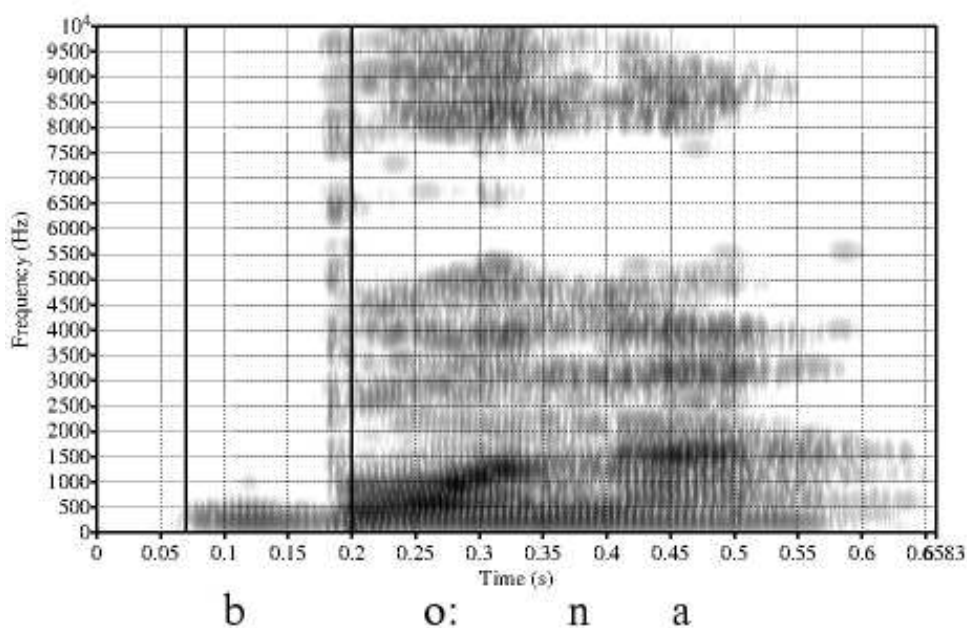
под влиянием гласного контекста; 4) имплозия (отсутствие размыкания артикулирующих органов, в данном случае – губ).

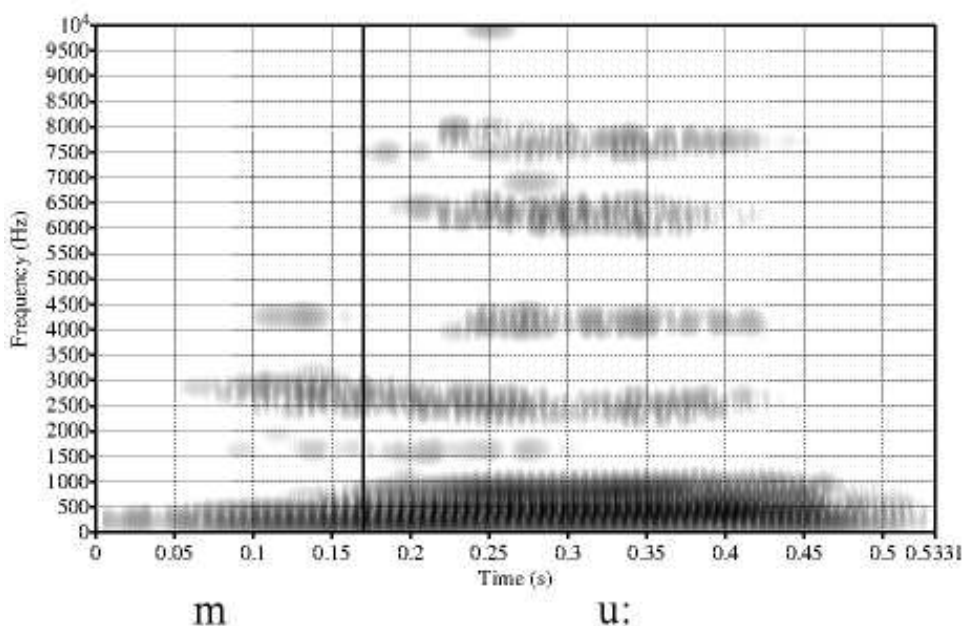
Р и с у н о к 1. Слово /pu:rta/ «длинный нож» (D2)

/b/ – шумный смычный губно-губной звонкий согласный. Согласный /b/ встречается только в позициях начала и середины слова: /bʒiɾe:/ «мурашки по коже», /o:n biɟʒn:i/ «как живёшь?», /boloni:/ «осень», /abulmi:/ «обессилеть», /abultʃa:/ «голод», /abdu:/ «животное», /dolbohik/ «волк», /dolbonmo:n/ «сегодня ночью», /arbagas/ «шуба меховая», /tarbak/ «перчатки», /sirba/ «уха», /korbz:/ «бык племенной», /la:lbuکا/ «мох простой» [Словарь ..., 2017]. Конечного /b/ в селемджинском говоре, как и в других говорах, нет. В превокальной позиции на всём протяжении согласного фиксируется F0 в соответствующей области спектра (как в слове /bo:na/ «град» на рис. 2). В сочетании /b/ с последующим шумным смычным звонким согласным регистрируется частичная либо полная потеря взрыва (имплозия). В речи селемджинских представителей родов Каңәи и Эдяң целевых аллофонов фонемы /b/ не зафиксировано. У Бута менее плотная смычка перед гласными заднего ряда /o, u/. Более того, в речи одного и того же представителя Бута отмечено свободное варьирование /b/ и /β/ в одном и том же слове, например: /abdun/ – /aβdun/ «берлога».

/m/ – губно-губной смычный носовой сонант. Обладает высокой частотностью. Встречается во всех позициях в слове: /mo:/ «дрова», /mi:rʒ/ «февраль», /a:ma:/ «спать хочется», /dʒmo:/ «есть хочется», /dʒmʒre:/ «надоело», /umʒ:/ «однажды», /dʒampan/ «накомарник», /kumkʒ:n/ «жук», /anʒanma:n/ «в этом году», /inʒmʒ:n/ «сегодня», /diram/ «толстый», /dʒalum/ «полный», /ʒomʒm/ «длинный». При реализации /m/ размыкание губ происходит плавно; во всех случаях, за редким исключением, импульсных составляющих не фиксируется (рис. 3, 29–34, 36).

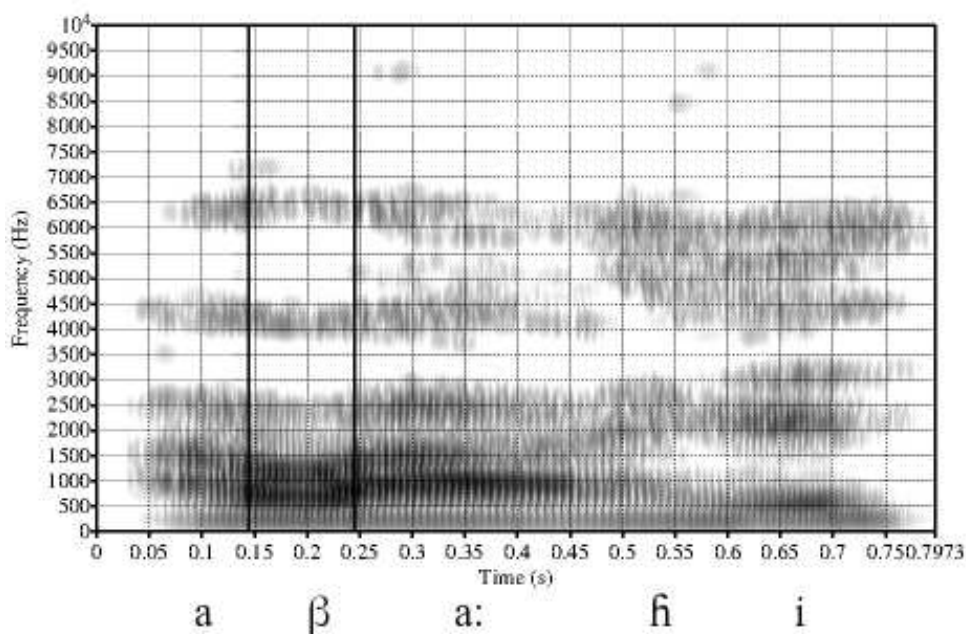
Р и с у н о к 2. Слово /bо:na/ «град» (D3)

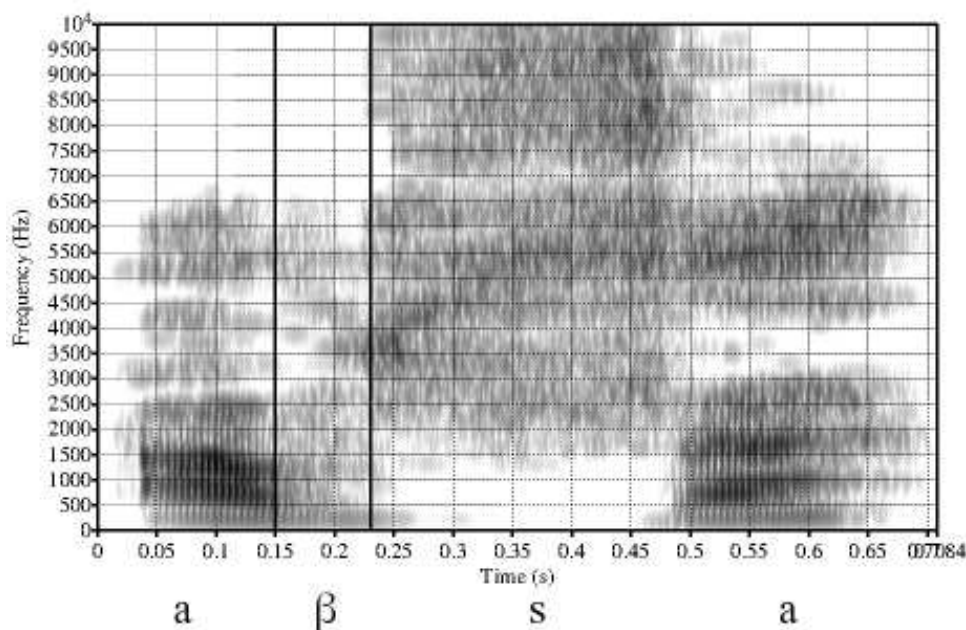
Р и с у н о к 3. Слово /mу:/ «вода» (D1)

Конечный /m/ никогда не имеет импульсных составляющих и всегда имплозивен. Глухих смычных и звонких щелевых аллофонов /m/ в позиции конца слова на нашем материале, в отличие от более ранних данных М. И. Матусевич [Матусевич 1960, с. 154–155], не зафиксировано.

/β/ – губно-губной щелевой сонорный, артикулируемый с плоской щелью (рис. 4–5).

Р и с у н о к 4. Слово /aβa:hi/ «чёрт» (D1)

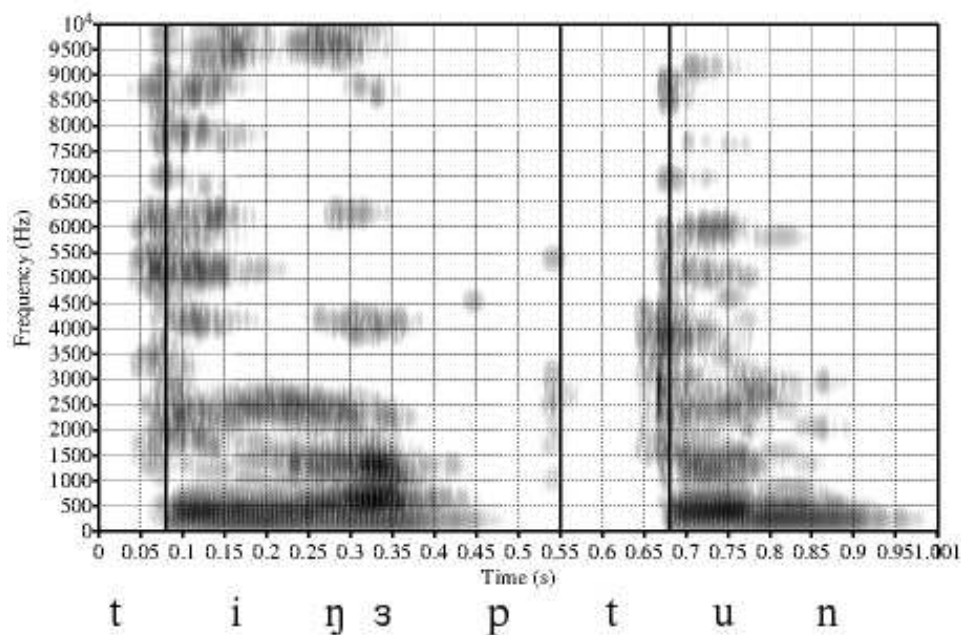

Р и с у н о к 5. Слово /aβsa/ «сумка для рукоделия» (D1)

Вслед за М. И. Матусевич [Матусевич 1960, с. 156–157], для обозначения данного сонанта нами используется транскрипционный знак /β/, поскольку используемый ранее в литературе по эвенкийскому языку знак /w/ [Василевич, 1948; Цинциус, 1949] не отражает истинной артикуляции данного звука. В речи селемджинских эвенков данная фонема артикулируется сближенными друг к другу губами, которые образуют щель по всей их длине, губы при этом не округляются и не выпячиваются. Встречается во

всех позициях реализации, например: /oβi:laha/ «апрель», /βe:lika/ «ласточка», /aβa:hi/ «черт», /ti:niβz/ «вчера», /aβdu:n/ «нора», /biβkz:/ «коренной житель», /gɨβtʃz:n/ «косуля», /zmzɨzβ/ эмэрэв «мы пришли (не включая вас)», /ge:β/ «мой друг». Звук обычно имеет чёткую формантную структуру, характерную для сонорных (см. рис. 4), однако в ряде случаев может появляться и турбулентный шум (см. рис. 5). В конечной позиции слова и перед согласным фонема /β/ оглушается. В речи селемджинских Бута сонорный /β/ в позиции перед глухим согласным сохраняет свою звонкость (см. на рис. 5 затемнения в области 50–400 Гц).

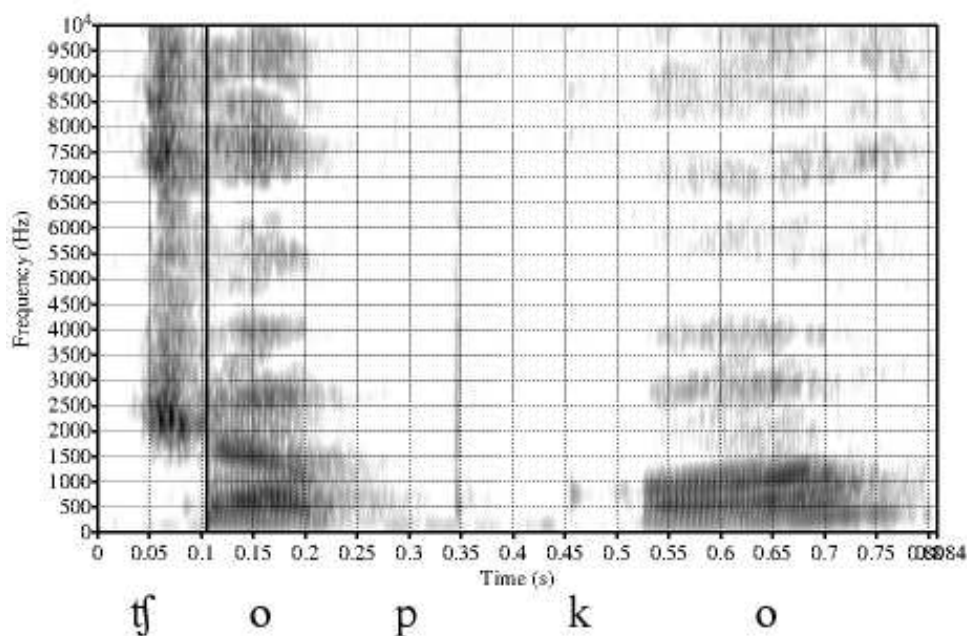
/t/ – переднеязычный апикальный смычный глухой согласный. Относительно реализации эвенкийского переднеязычного глухого смычного /t/ можно сделать следующие выводы: 1) полная спирантизация, палатализация и озвончение коррелятам согласного /t/ не свойственны; 2) в начальной позиции согласный перед гласными переднего ряда согласный /t/ подвергается аффрикатизации (рис. 6 – первый согласный).

Р и с у н о к 6. Слово /tiŋzptun/ «ремень для стягивания седла, вьюка» (D1)

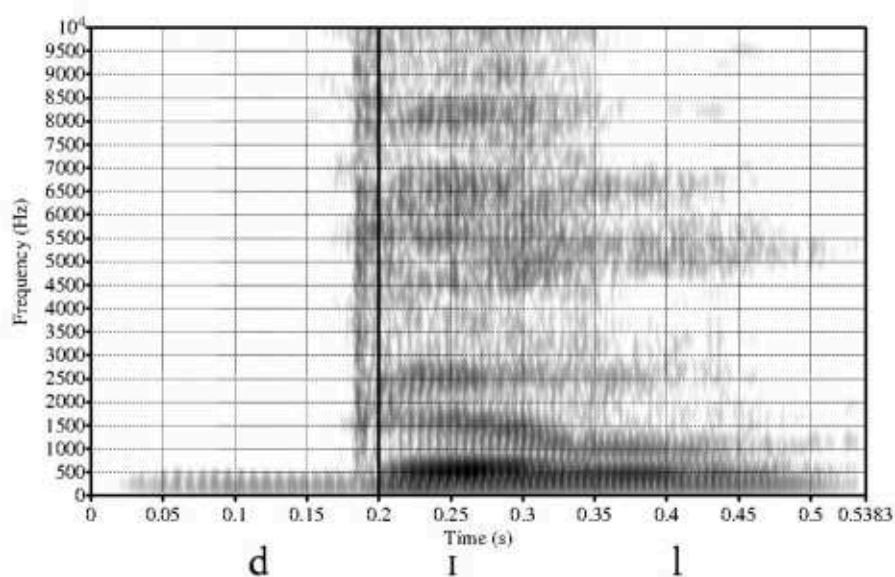
В других позициях аффрикатизация согласного /t/ не отмечена (рис. 1 и рис. 6 в начале последнего слога); 3) в отношении способа образования согласный /t/ имеется чёткий, но слабовоздушный взрыв; 4) элемент придыхательности у согласного /t/ выражен слабо; 5) импловзивные аллофоны согласного /t/ реализуются не только в позиции абсолютного конца слова, но и в препозиции к шумным и сонорным смычным согласным. Встречается во всех позициях в слове, например: /tikune:/ выражение гнева, /to:ki:/ «лось», /tulɨn/ «вон» (собаке), /ata:ki:/ «паук», /o:tki/ «декабрь», /dʲantaki:/ «россомаха», /zktzŋkirz/ «март», /a:βuptɨn/ «мочалка», /hi:mat/ «скорее», /tʃu:βit/ «кулик».

/tʃ/ – переднеязычная глухая аффриката; не встречается в позиции конца слова и препозиции к согласному. Примеры употребления: /tʃiβkatʃa:n/ «птичка», /tʃa:pa/ «гнездо», /tʃopko/ «ущелье» (рис. 7), /tʃoboki:/ «коготь», /tʃutʃun/ «скребок с мелкими зубцами», /nʲɪʃu:ksɜ/ «ровдуга из шкуры», /nʲutʃi:βun/ «каркас для дымления шкур», /sukɜʃɜ:n/ «топорик», /tokʃoko/ «полоз на нартах», /abultʃa:/ «голод». В речи селемджинских Бута на месте аффрикаты реализуется переднеязычный апикальный смычный мягкий /tʃ/. В речи дикторов других родов палатализованный [tʃ] встречается эпизодически в слабой фразовой позиции при быстром темпе артикулирования. Это обстоятельство заставляет предположить, что данная фонема в речи представителей рода Бута находится в весьма неустойчивом положении, имея тенденцию превратиться в аффрикату /tʃ/ под влиянием родной речи эвенков-односельчан, а также русского языка.

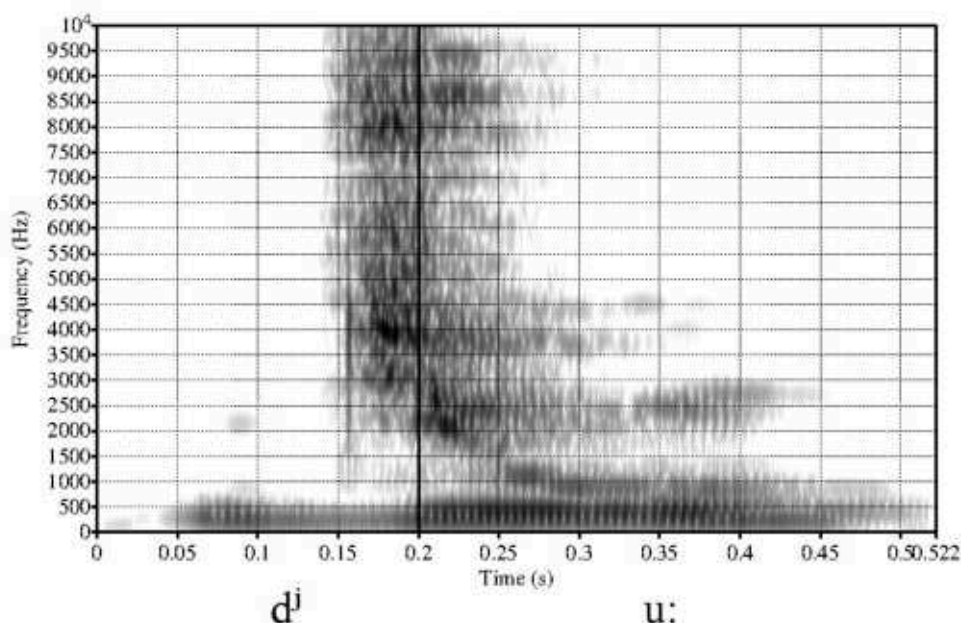
Р и с у н о к 7. Слово /tʃopko/ «ущелье» (D1)

/d/ – переднеязычный смычный звонкий апикальный согласный. Встречается во всех позициях, кроме препозиции к согласному. Реализация в конце слова ограничено сокращённым восклицанием «Мōд! Мōд!», образованного от полного окрика на оленей – «Мōду! Мōду!». Перед переднерядными гласными не подвергается палатализации. Интервокальный /d/, как и в начальной позиции, никогда не теряет элемента смычки и не переходит в щелевой. Примеры реализации: /dil/ «голова» (рис. 8), /dilafʃa:/ «солнце», /da:ptun/ «устье реки», /dun:ɜ/ «земля», /dɜrɜ:n/ «исток, начало реки», /gugda/ «высота», /guldiβun/ «сговор», /kandare:/ «устал», /hugdarpi/ «ноябрь».

Р и с у н о к 8. Слово /dil/ «голова» (D1)

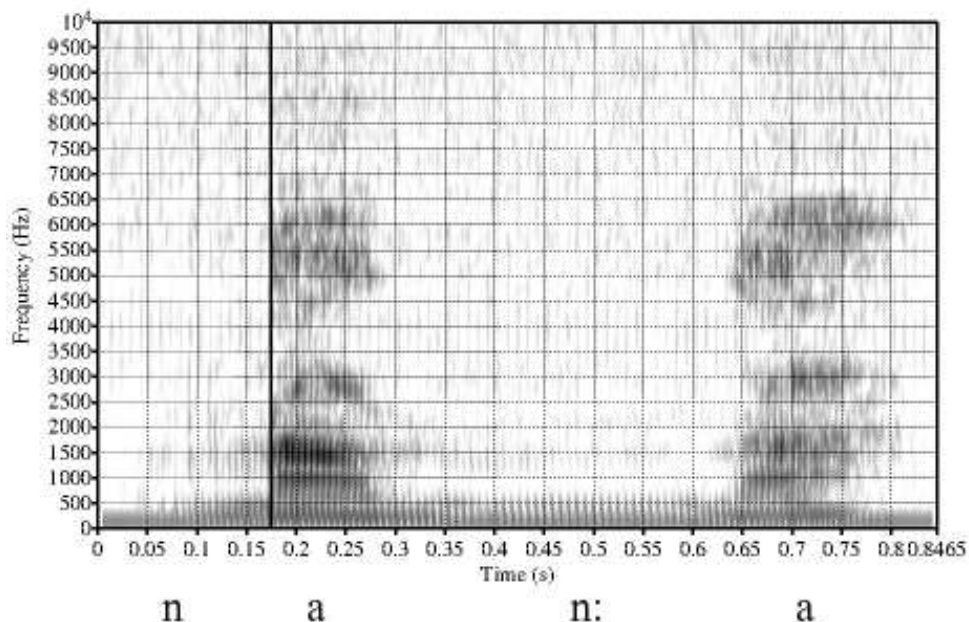
/dʲ/ – переднеязычный смычный звонкий апикальный палатализованный согласный; не встречается в позиции конца слова и препозиции к согласному. Реализуется с выраженной аффрицированностью, но при этом не переходит в разряд аффрикат. Примеры употребления в слове: /dʲa/ «стой! (оленю)», /dʲu:/ «дом» (рис. 9), /dʲukz/ «лед», /gudʲe:j/ «красота», /dʲzmo:/ «есть хочется», /sirudʲan/ «сентябрь».

Р и с у н о к 9. Слово /dʲu:/ «дом» (D1)

/n/ – переднеязычный смычный носовой сонант апикального образования (рис. 2, 6, 10, 17, 18, 25, 26, 30). Перед гласными переднего ряда па-

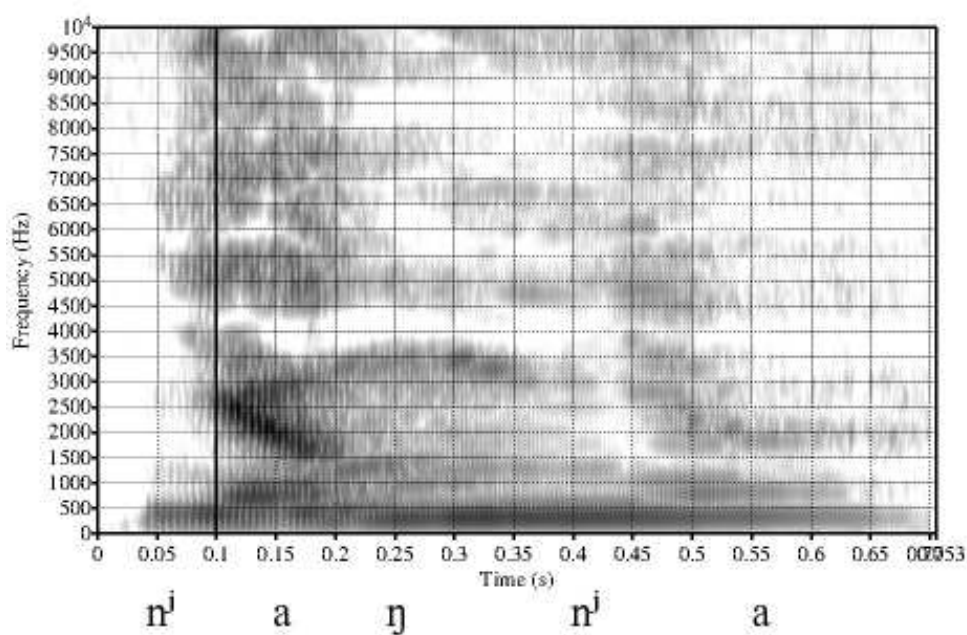
латализации не подвергается. В конце слова реализация /n/ всегда имплозивна. Примеры реализации: /nan:a/ «кожа (животного)», /antaga/ «южный склон горы», /tʰɪʒβun/ «распятие для сушки шкур», /zje:n/ «течение».

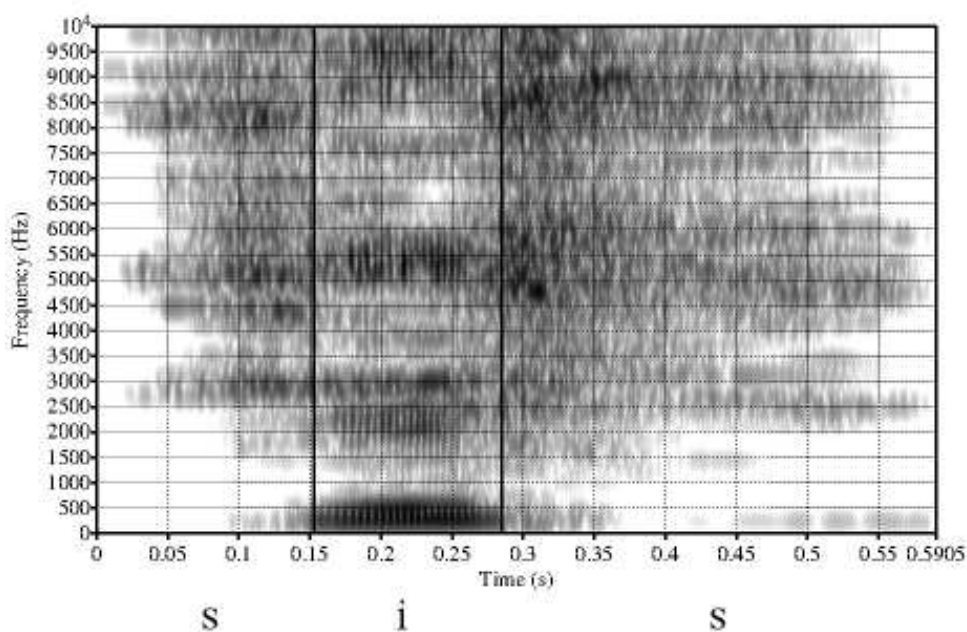
Р и с у н о к 10. Слово /nan:a/ «кожа животного» (D1)

/nʲ/ – переднеязычный смычный носовой палатализованный сонант (рис. 11, 24). Оглушению /nʲ/ никогда не подвергается. Не употребляется в конце слова. Примеры реализации: /nʲaŋnʲa/ «небо», /tuɟznʲi:/ «зима», /anɟa nʲi:/ «год», /nʲɪŋdʒɪʒ/ «день ясный, хороший».

/s/ – переднеязычный щелевой апикальный глухой согласный с плоской щелью (рис. 12, 5, 35). Данные слухового и спектрального анализа речи эвенков Каңай позволяют констатировать реализацию плоскощелевого /s/ в словах типа сагды/шагды «старый», сэктэ/шэктэ «ветвь хвойного дерева», которая отличает их речь от речи эвенков, проживающих в с. Ивановское. Именно плоская щель, получаемая при артикулировании распластанным языком и с плоским укладом губ, придаёт согласному так называемый «шекающий» характер («шепелявый» оттенок). По мнению Л. Р. Зиндера, акустическое различие между этими двумя типами заключается в том, что круглощелевой /s/ характеризуется высокой интенсивностью шума, а плоскощелевой /s/ – низкой [Зиндер, 1979, с. 144]. Акустическая разница между круглощелевым и плоскощелевым эвенкийским /s/ не настолько сильна, чтобы её услышать при раздельном их произнесении, но в случае сопоставления звуков обоих типов она достаточно явственна. Примеры реализации: /si:s/ «жердь горизонтальная в палатке», /suksil:a/ «лыжа», /su:ksɜ/ «вязочки для унтов», /najaksa/ «замшевые унты» и так далее. Имеет мягкие аллофоны (рис. 35).

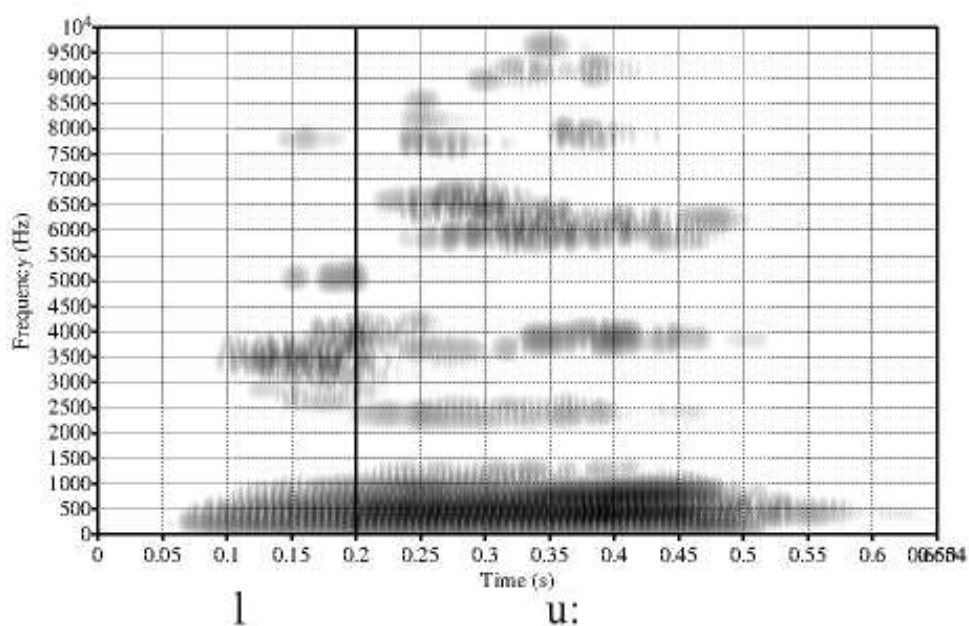
Р и с у н о к 11. Слово /nʲaŋnʲa/ «небо» (D1)

Р и с у н о к 12. Слово /sis/ «жердь горизонтальная в палатке» (D1)

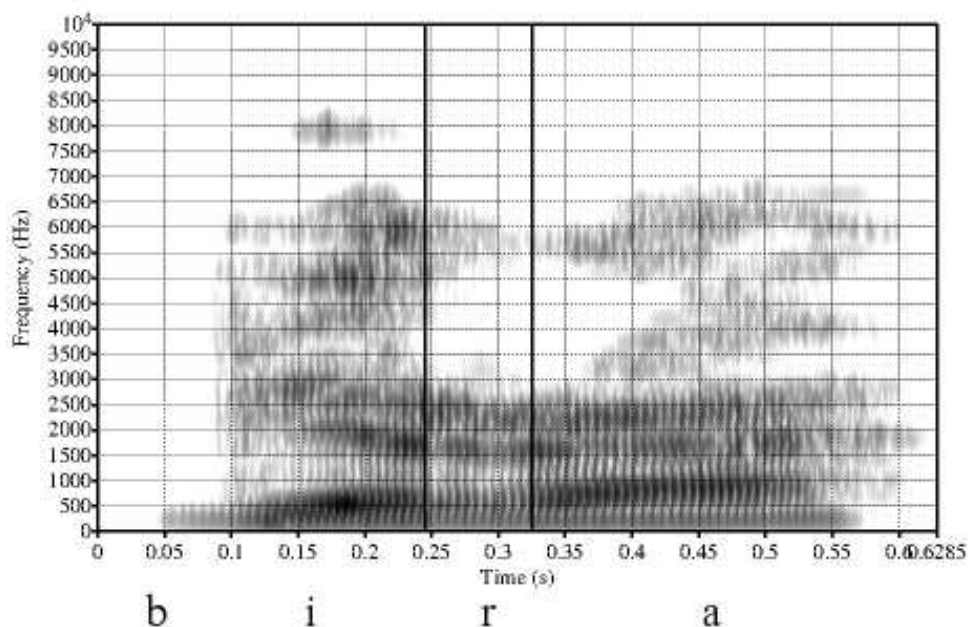
/l/ – переднеязычный апикальный латеральный щелевой сонант (рис. 13, 8). На слух воспринимается как «европейский» /l/ немецкого или французского типа. Под влиянием русского языка в речи некоторых представителей Эдян реализуется веларизованный /l/. У Бута часто встречается палатализованный аллофон данного согласного. Интересно, что в суффиксах повелительного наклонения 2 лица ед. ч. -kal реализуется твёрдый аллофон, в суффиксе -kɜl – мягкий, например: /gakal/ ~ /surukɜl/. Примеры

реализации: /lu:/ «смола», /uliβun/ «весло», /gu:la/ «северный склон горы», /dilaŋfa:/ «солнце», /aldiβun/ «тесло», /dil/ «голова».

Р и с у н о к 13. Слово /lu:/ «смола» (D1)

/r/ – переднеязычный дрожащий сонант (рис. 14, 19). В начальной позиции слова не встречается.

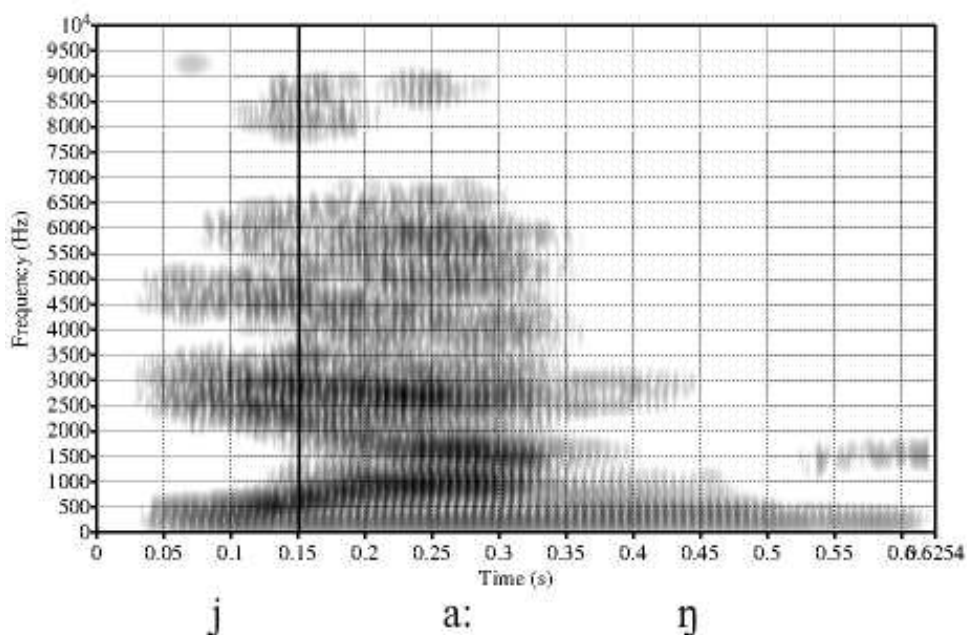

Р и с у н о к 14. Слово /bira/ «река» (D1)

В интервокальной позиции в своём большинстве одноударный, но нередко звонкие шумные щелевые оттенки по типу /r/ в китайском языке

(рис. 1). В конце слова часто оглушается, но при этом имеет раскатистый характер. Примеры реализации: /zri:βun/ «лопата», /ηз:ri/ «свет», /turu/ «дощечки для привязывания ребёнка к вьюку», /ari:ru:k/ «маслёнка», /hurka/ «петля», /hзrki/ «брюки», /kaβur/ «треск».

/j/ – средняяязычный щелевой сонант. Реализуется во всех позициях слова. Примеры реализации: /ja:η/ «сопка (рис. 15), голец», /ju:ktz/ «родник», /majaki:t/ «качели», /najaksa/ «замшевые унты», /djalja atfin/ «безумие», /zje:n/ «течение», /siηkзj/ «алюминий».

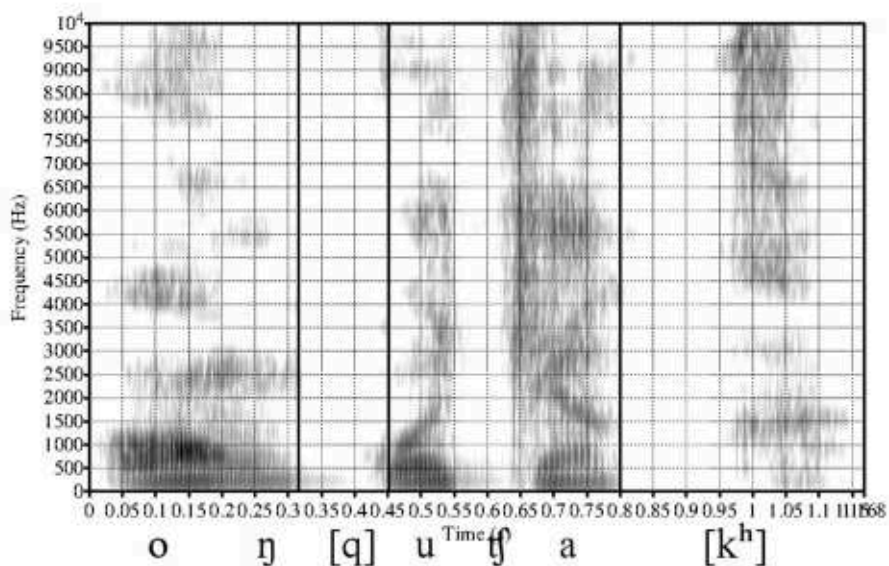

Р и с у н о к 15. Слово /ja:η/ «сопка» (D1)

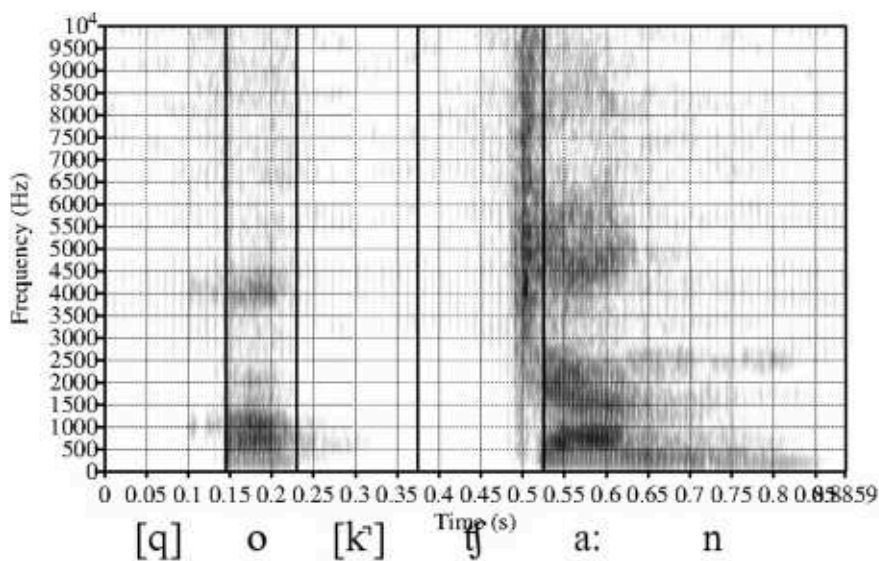
/k/ – заднеязычный смычный глухой согласный. К его аллофонам можно отнести придыхательные (рис. 16), спонтированные, увулярные, палатализованные, имплозивные (рис. 17) аллофоны /k/, которым не свойственно полное озвончение. Аффрикатизации эвенкийский /k/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда (рис. 18). Зафиксированная широкая вариативность /k/ коррелирует с гармонией гласных, а также зависит от фразовой позиции (начало, середина, конец высказывания) и от позиции в слове. Примеры реализации: /kuβahamna/ «стружки», /tʃu:ka/ «трава», /buktz/ «шишка на льду реки, из которой вырывается вода», /utkз:n/ «длинный нож, пальма», /hзrkзβun/ «верёвка», /i:rinzk/ «муравейник».

/g/ – заднеязычный смычный звонкий согласный (рис. 19, 20). В селемджинском говоре встречается во всех позициях. Звонкость начального и интервокального /g/ всегда сохраняется. Интервокальный /g/ реализуется смычным либо щелевым [ɣ] (см. рис. 22). В позиции абсолютного конца слова может чередоваться с глухой парой – /k/ (см. наличие затемнений в спектре конечного согласного в области до 50–400 Гц на рис. 20 и отсутствии таковой на рис. 21). Перед гласными переднего ряда палатализуется.

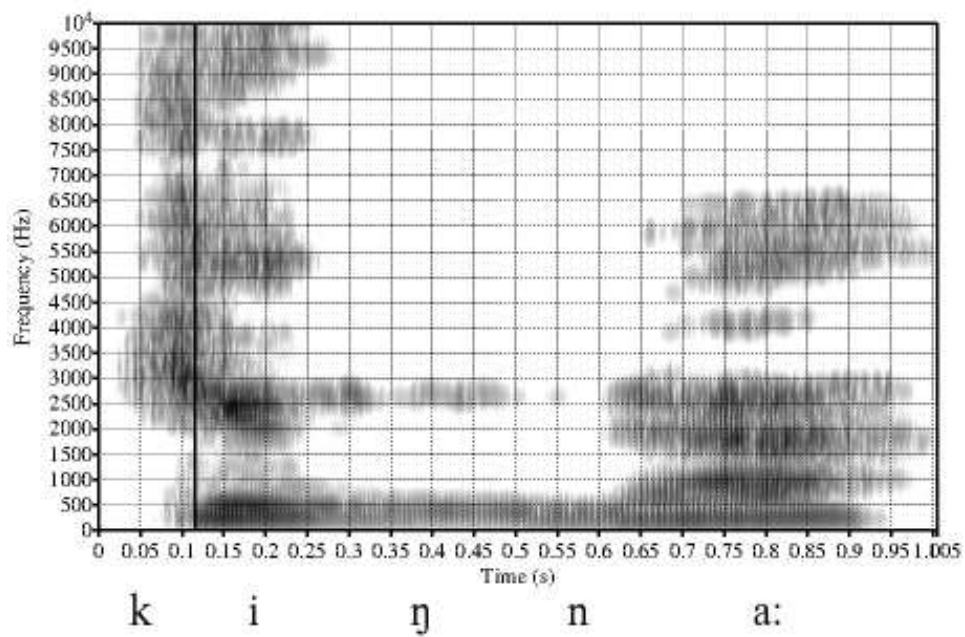
Примеры употребления: /gogo/ «даль», /gu:la/ «северный склон горы», /buda/ «окружающий мир, родина», /antaga/ «южный склон горы», /gag/~gak/ «лебедь».

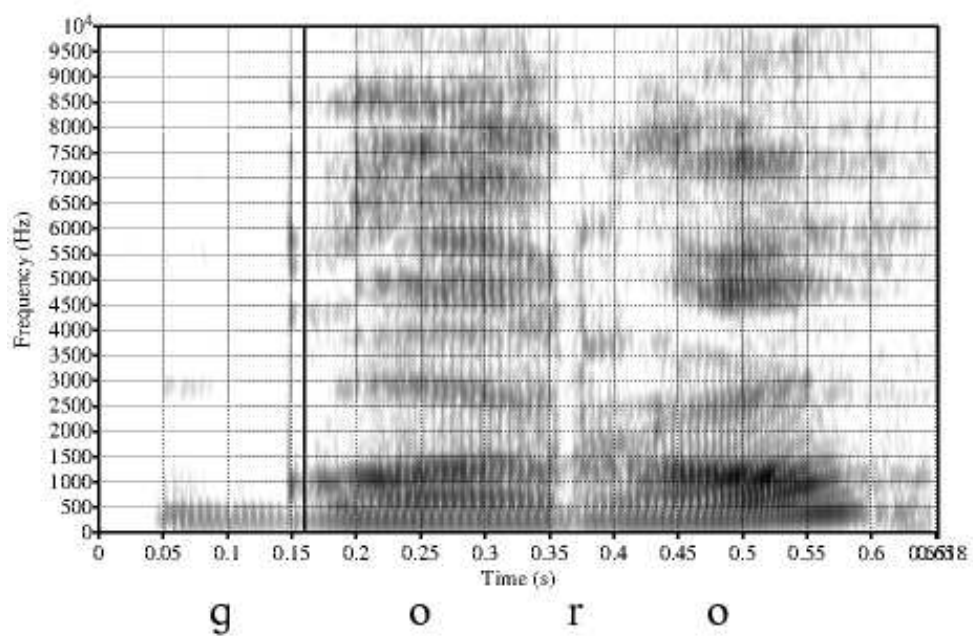
Р и с у н о к 16. Придыхательный /k/ в слове /oŋkʰʲa/ «...» (D...)

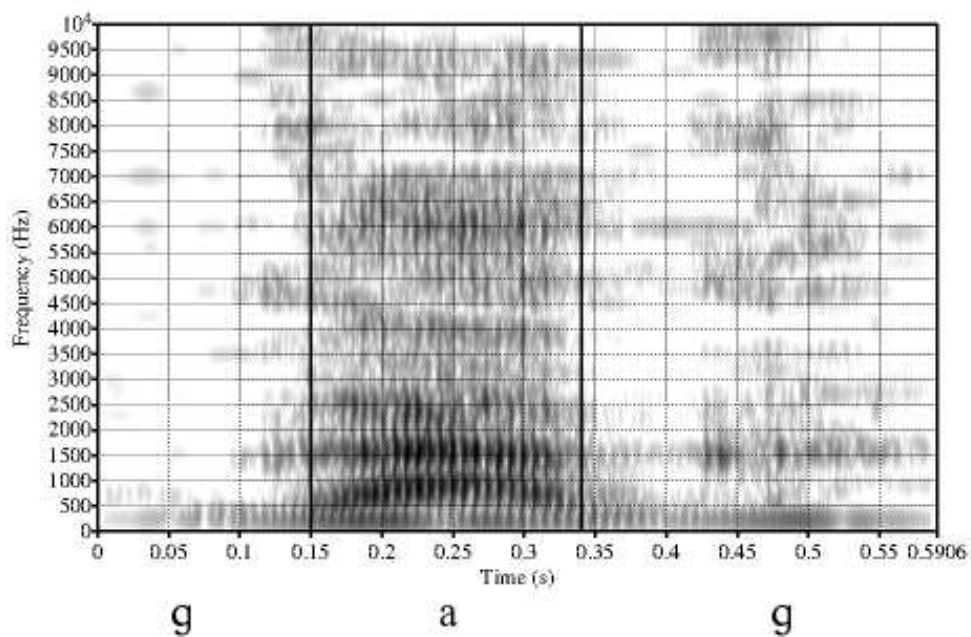
Р и с у н о к 17. Имплозивный /k/ в слове /kʰokʰʲan/ «...» (D...)

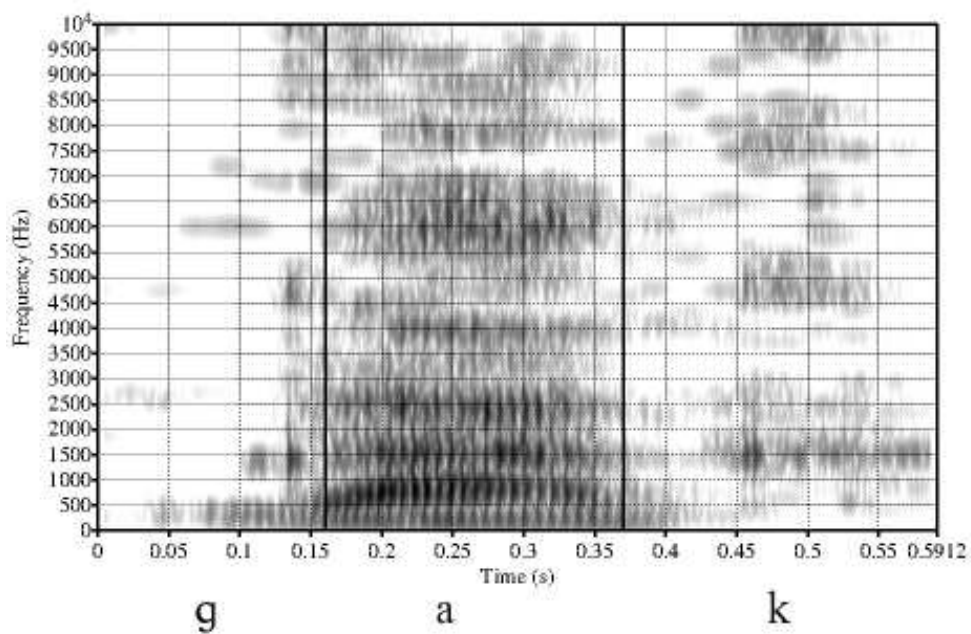
Р и с у н о к 18. Слово /kiŋa:/ «лыжа» (D1)

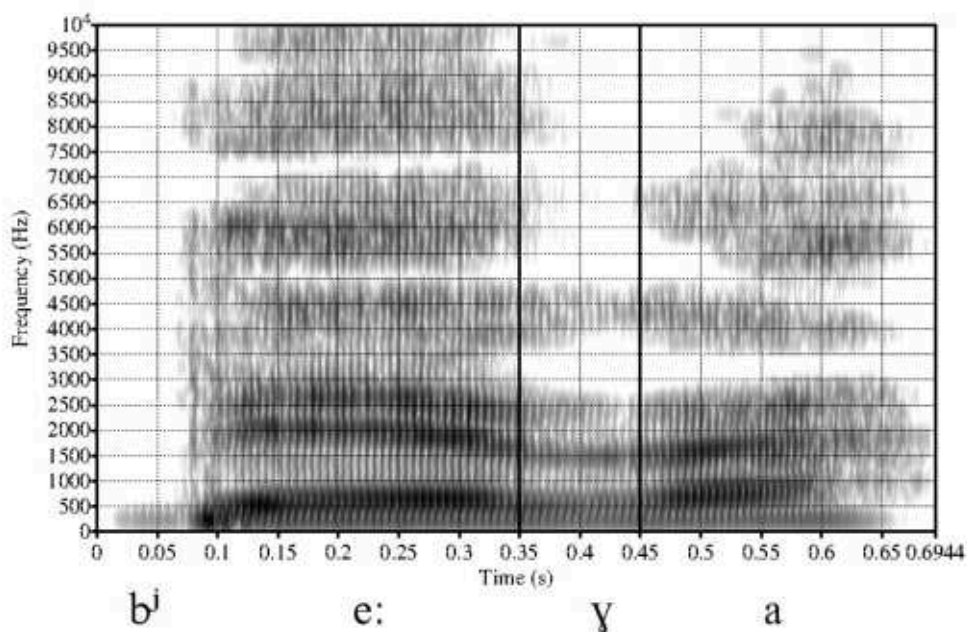
Р и с у н о к 19. Слово /goro/ «даль» (D1)

Р и с у н о к 20. Слово /gag/ «лебедь» (D1)

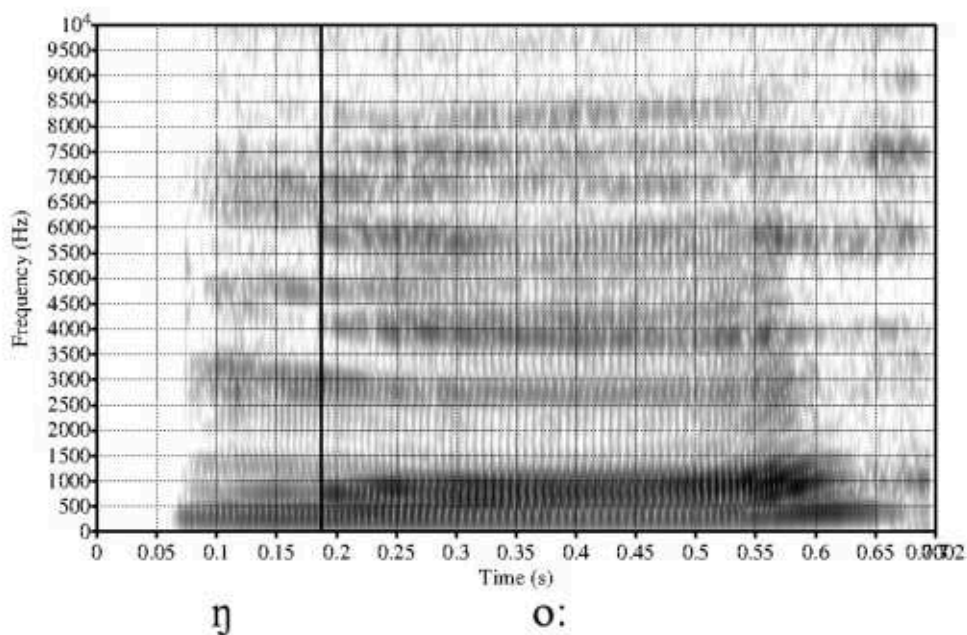

Р и с у н о к 21. Слово /gak/ «лебедь»

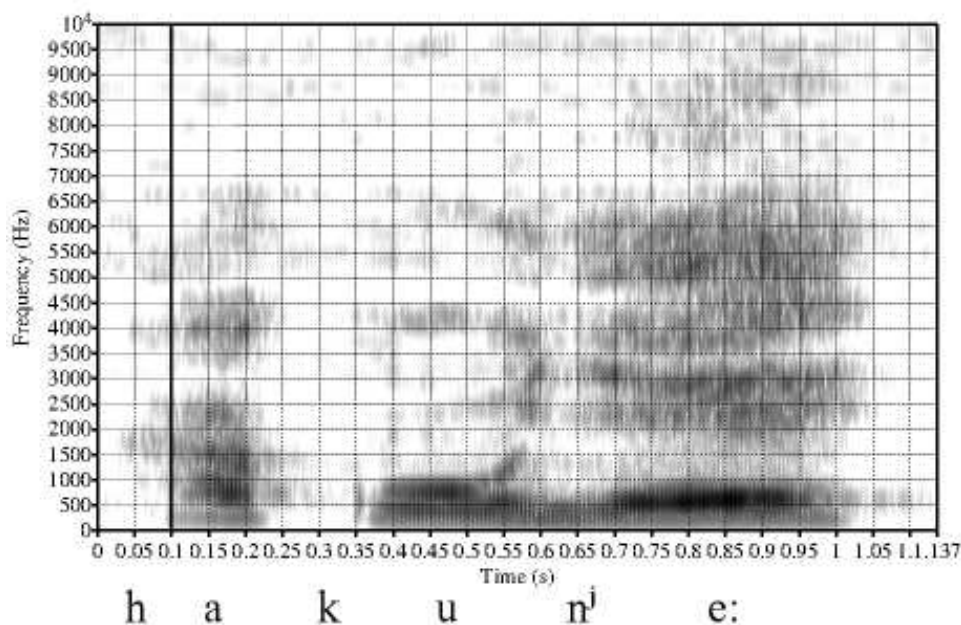
Р и с у н о к 22. Слово /bega/ «луна, месяц» (D...)

/ŋ/ – заднеязычный смычный носовой сонант. Палатализуется перед гласными переднего ряда. Встречается во всех позициях слова. Примеры реализации: /ŋo:/ «вонь» (рис. 23), /ŋz:gi/ «свет», /koŋno/ «чернота», /dzɨnŋidz:/ «левая сторона» /ja:ŋ/ «сопка, голец».

Р и с у н о к 23. Слово /ŋo:/ «вонь» (D1)

/h/ – фарингальный глухой щелевой согласный. В речи представителей Бута начальный /h/ очень лёгкий, едва различимый. В конечной позиции /h/ не встречается. Примеры реализации: /hi:ββun/ «точильный камень», /halka/ «молоток», /hakun^je:/ «душно» (рис. 24), /hu:βun/ «пила», /uhiβun/ «ножницы», /togo^ho/ «гвоздь», /o:hika:kta/ «созвездие». В интервокальной позиции реализуется озвончённый аллофон [h̥] в речи эвенков всех родов групп (рис. 27).

Р и с у н о к 24. Слово /hakun^je:/ «душно» (D1)

2.3.3. Артикуляционно-акустическое описание гласных звуков селемджинского говора эвенкийского языка

Число гласных, входящих в фонологическую систему селемджинского говора, в их количественном отношении сравнительно невелико. Имеется всего 11 гласных, образующих оппозиции (см. табл. 2): 1) по признаку ряда: гласные переднего /i, i:/, e:/, a, a:/, центрального /з, з:/, заднего /u, u:/, o, o:/ рядов; 2) по признаку подъёма: гласные верхнего /i, i:/, среднего /e:/, з, з:/, o, o:/, нижнего /a, a:/ подъёмов; 3) по признаку долготы: гласные долгие /i:/, u:/, з:/, o:/, a:/ и краткие /i, u, з, o, a/. Гласный переднего ряда среднего подъёма /e:/ не имеет краткой пары.

Т а б л и ц а 2. Артикуляционная классификация гласных фонем в селемджинском говоре эвенкийского языка

по ряду		Передний		Центральный		Задний	
		негубные	губные	негубные	губные	негубные	губные
верх- ний	узкая разновидность	i:					u:
	широкая разновидность	i					u
сред- ний	узкая разновидность	e:					o:
	широкая разновидность			з:*	з		o
ниж- ний	узкая разновидность						
	широкая разновидность			a:	a		

* П р и м е ч а н и е к т а б л и ц е 2: вопрос о наличии или отсутствии данной фонемы в селемджинском говоре эвенкийского языка относится к дискуссионным.

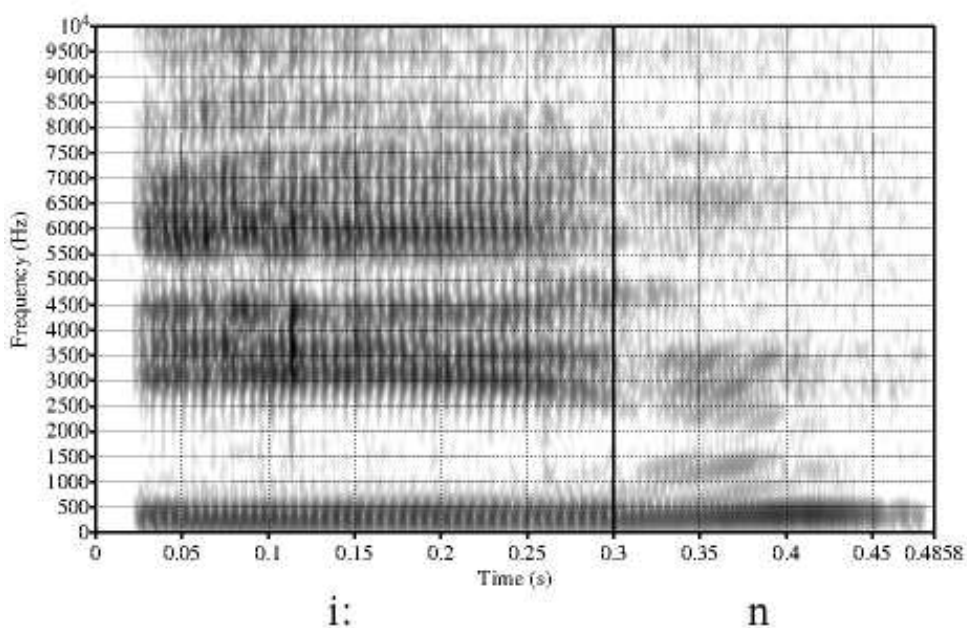
В связи с ранее упомянутым «акающим» акцентом селемджинских эвенков, интересно отметить следующий факт. Русское население Амурской области, употребляя в своей речи эвенкийские слова, также произносят в них гласный /a:/ на месте /з:/. Более того, «аканье» в речи амурских эвенков находит своё отражение в названиях фильмов, созданных русскоязычными режиссерами, например, документальный фильм Н. М. Землянского о жизни и культуре эвенков «Эвэды туран» – «эвенкийский язык» (ср. лит. эвенк. турэ́н), в названиях общественных организаций, например, экологический клуб при Амурском государственном университете «Улуки́ткан» – «бельчонок» (ср. лит. эвенк. улуки́ткэн).

2.3.3.1. Описание гласных звуков селемджинского говора эвенкийского языка

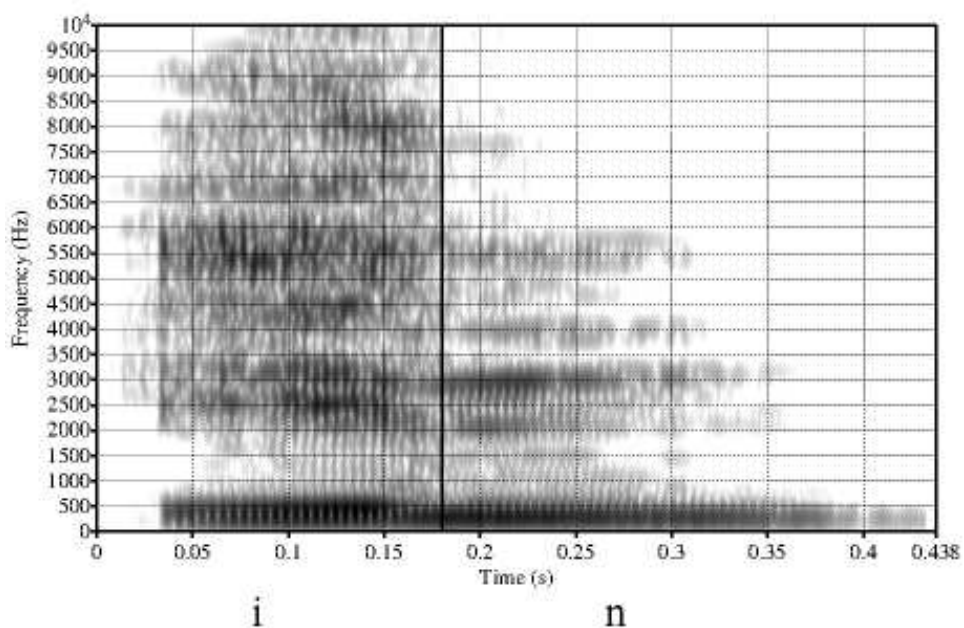
/i:/ – неогубленный долгий гласный верхнего подъёма узкой разновидности, переднего ряда, на что указывают соответствующие средние формантные значения (F1 359 Гц, F2 2406 Гц), средняя длительность – 288 мс. Встречается во всех позициях в слове, например, /i:n/ «жизнь» (рис. 25), /i:du:/ «где», /i:ki:t/ «вход», /i:tʃa:n/ «локоть», /tʃti:/ «одежда».

/i/ – неогубленный краткий гласный верхнего подъёма широкой разновидности (F1 461 Гц), переднего отодвинутого назад ряда (F2 2275 Гц), средняя длительность – 90 мс. Примеры реализации: /in/ «вьюк» (рис. 26), /itʃiɡi/ «женская летняя обувь из ровдуги», /o:hika:kta/ «созвездие», /dilafʃa:/ «солнце», /ŋz:ri/ «свет». Фонологичность признака долготы легко де-

монстрируется на примерах минимальных пар (квазиомонимов) типа /i:n/ «жизнь» – /in/ «вьюк» (ср. рис. 25–26), в которых в первом слове гласный долгий, а во втором – краткий. Однако нельзя не заметить, что акустическим коррелятом фонологической долготы является не только длительность, но и качественные характеристики, о чём явно свидетельствует разница формантных значений.

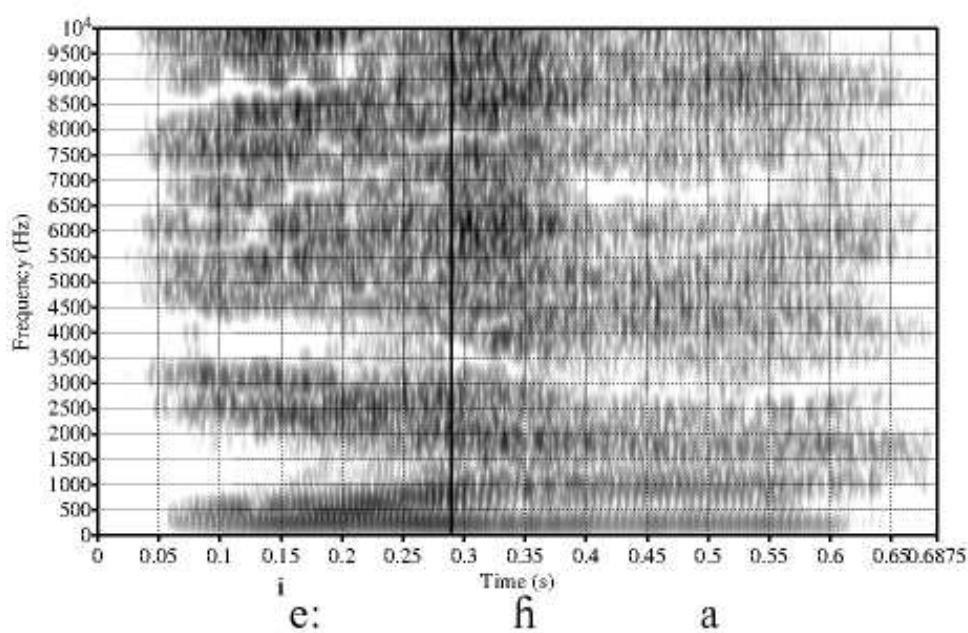

Р и с у н о к 25. Слово /i:n/ «жизнь» (D2)

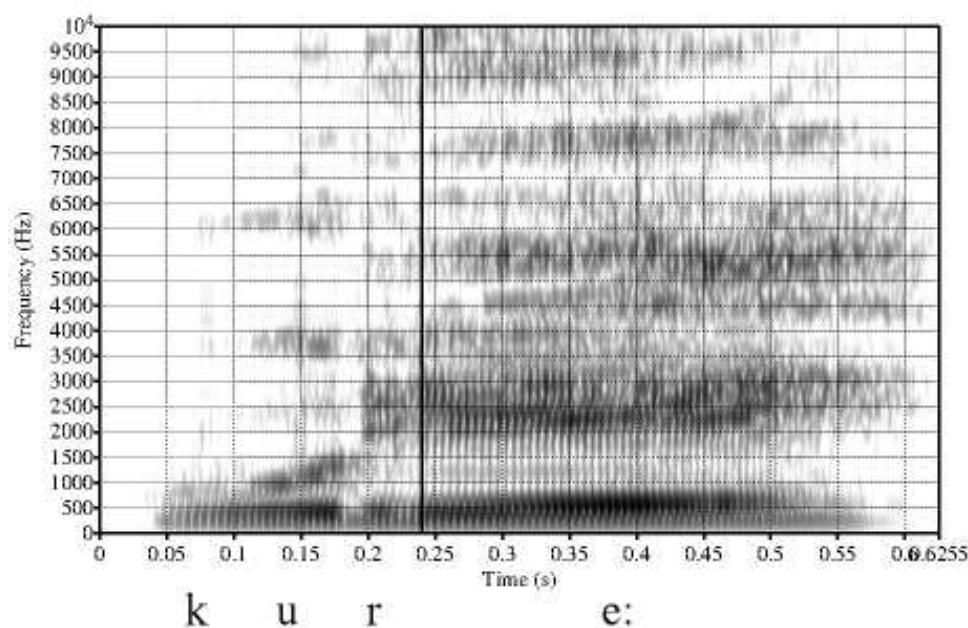

Р и с у н о к 26. Слово /in/ «вьюк» (D1)

/e:/ – неогубленный долгий гласный среднего подъёма узкой разновидности (F1 553 Гц), переднего ряда (FП 2066 Гц), средняя длительность – 210 мс. Например, в существительных /e:ha/ «глаз» (рис. 27), /зje:n/ «течение», /e:haptun/ «очки», /kure:/ «загон» (рис. 28), а также в местоимениях /e:kudi/ «какой, который», /e:ma:/ «какой», /e:kudival/ «кто-нибудь», /e:kun/ «что».

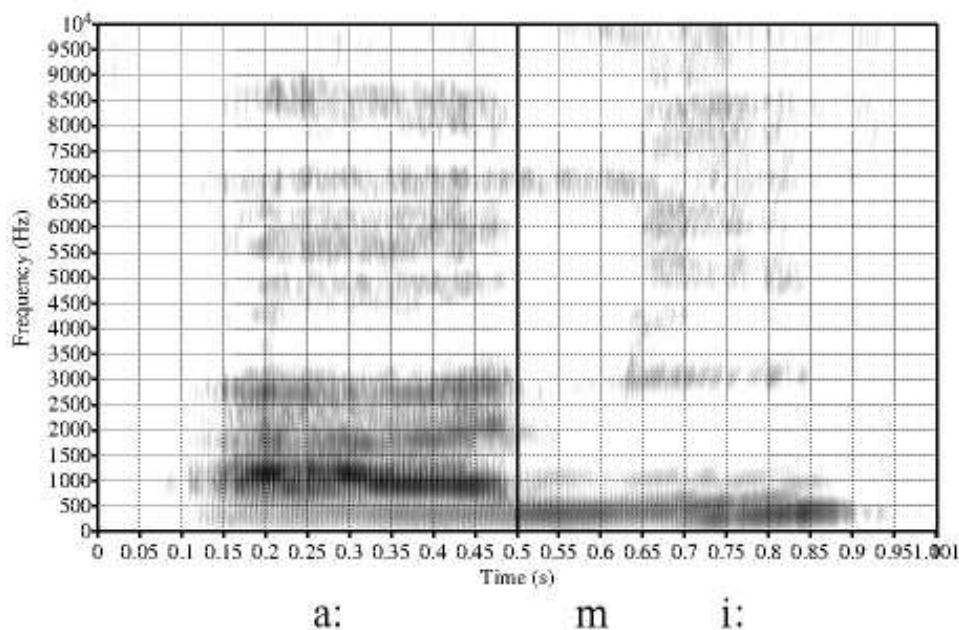

Р и с у н о к 27. Слово /e:ha/ «глаз» (D1)

Р и с у н о к 28. Слово /kure:/ «загон» (D1)

/a:/ – неогубленный долгий гласный нижнего подъёма широкой разновидности (F1 917 Гц), центрального ряда (F2 1571 Гц), средняя длительность – 203 мс. Примеры реализации: /a:mi:/ «спать» (рис. 29), /a:d'ami:/ «поспать», /a:ptʃa:/ «сгоревший», /da:ptun/ «устье реки», /o:hika:kta/ «созвездие», /dilatʃa:/ «солнце».

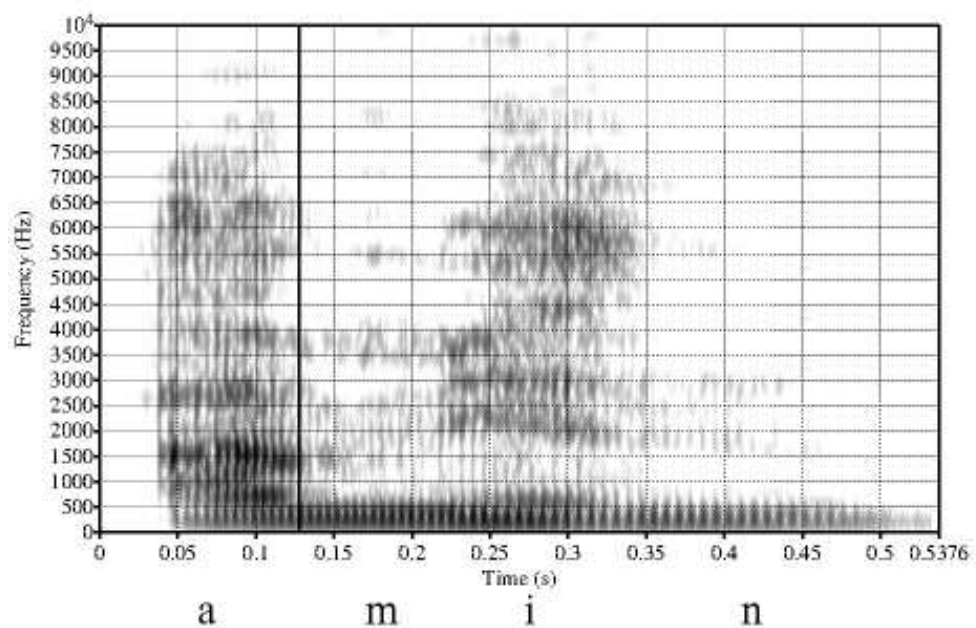

Р и с у н о к 29. Слово /a:mi:/ «спать» (D1)

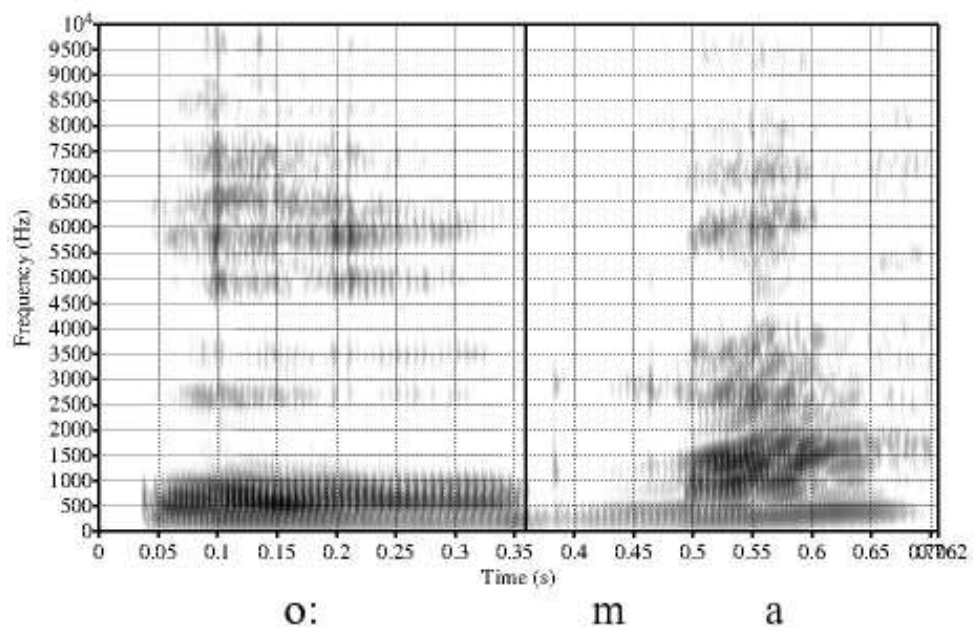
/a/ – неогубленный краткий гласный нижнего подъёма широкой разновидности (F1 835 Гц), центрального ряда (F2 1542 Гц), средняя длительность – 85 мс. Примеры реализации: /amin/ «отец» с притяжательным суффиксом (рис. 30), /antaga/ «склон горы (южный)», /malu:/ «почетное место для гостей», /gu:la/ «склон горы (северный)», /o:hika:kta/ «созвездие». В отличие от пары /i:/-/i/, в которой заметные качественные различия фиксируются как по признаку подъёма, так и по признаку ряда, в паре /a:/-/a/ различие по ряду (ср. значения F2) сведено к минимуму.

/o:/ – огубленный долгий гласный среднего подъёма узкой разновидности (F1 563 Гц), заднего ряда (F2 983 Гц), средняя длительность – 268 мс. Примеры реализации: /o:ma/ «пресная лепешка» (рис. 31), /o:kin/ «когда», /o:hika:kta/ «созвездие», /mo:/ «дрова», /do:gu:/ «нижнее бельё».

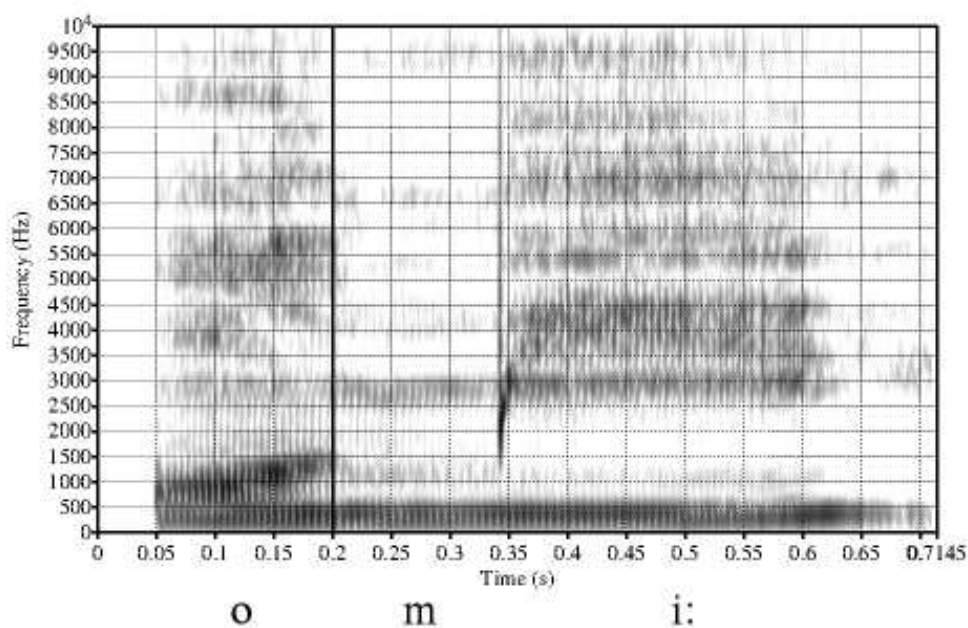
/o/ – огубленный краткий гласный среднего подъёма широкой разновидности (F1 611 Гц), заднего продвинутого ряда (F2 1164 Гц), средняя длительность – 76 мс. Примеры реализации: /omi:/ «душа» (рис. 32), /oŋkʊʃak/ «ямка», /bolohik/ «осенняя одежда». Заметная разница и по F1, и по F2 указывает на хорошо выраженные качественные различия гласных /o:/-/o/ как по подъёму, так и по ряду.

Р и с у н о к 30. Слово /amin/ «отец» (D1)

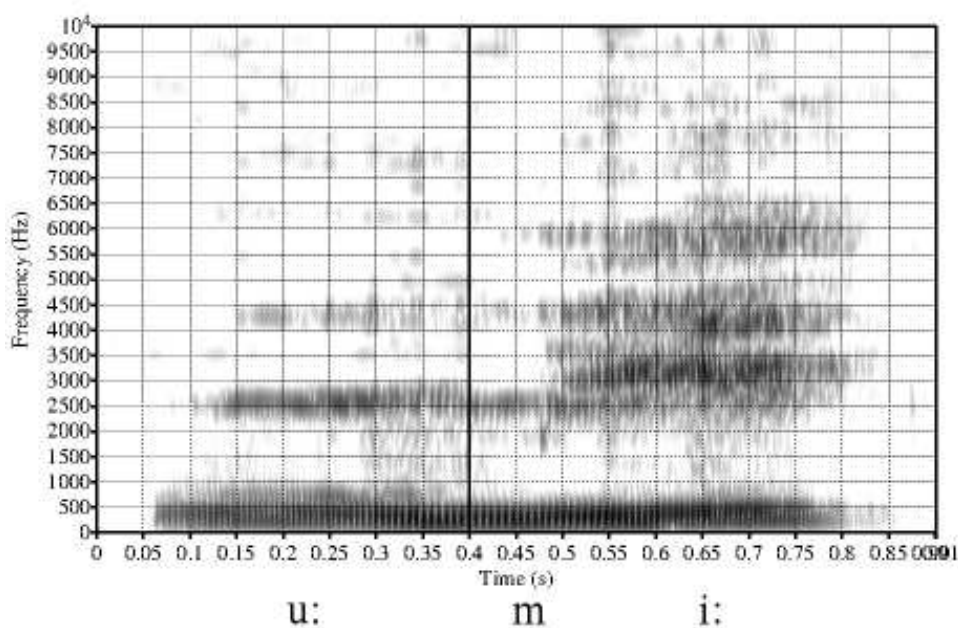

Р и с у н о к 31. Слово /o:ma/ «пресная лепешка» (D1)

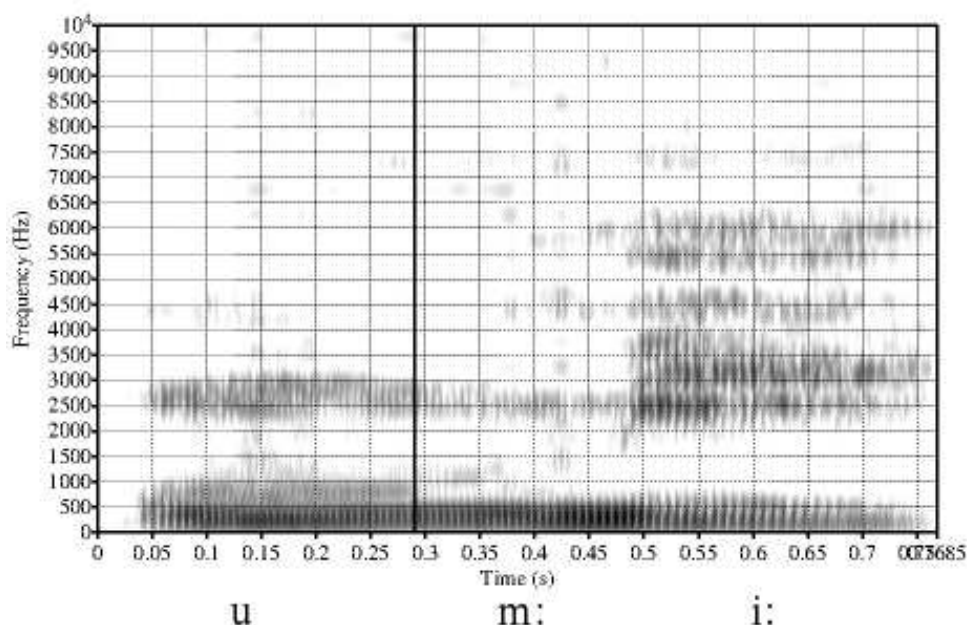
Р и с у н о к 32. Слово /omi:/ «душа» (D1)

/u:/ – огубленный долгий гласный высокого подъёма узкой разновидности, глубокого заднего ряда (F1 388 Гц, F2 834 Гц), средняя длительность – 344 мс. Примеры реализации: /u:/ «скребок», /u:mi:/ «скоблить кожу» (рис. 33), /u:ksz/ «рукав», /du:la/ «склон горы (северный)», /ʃu:ka/ «трава», /ju:ktz/ «родник», /su:ksz/ «вязочки для унтов», /malu:/ «почётное место для гостей».

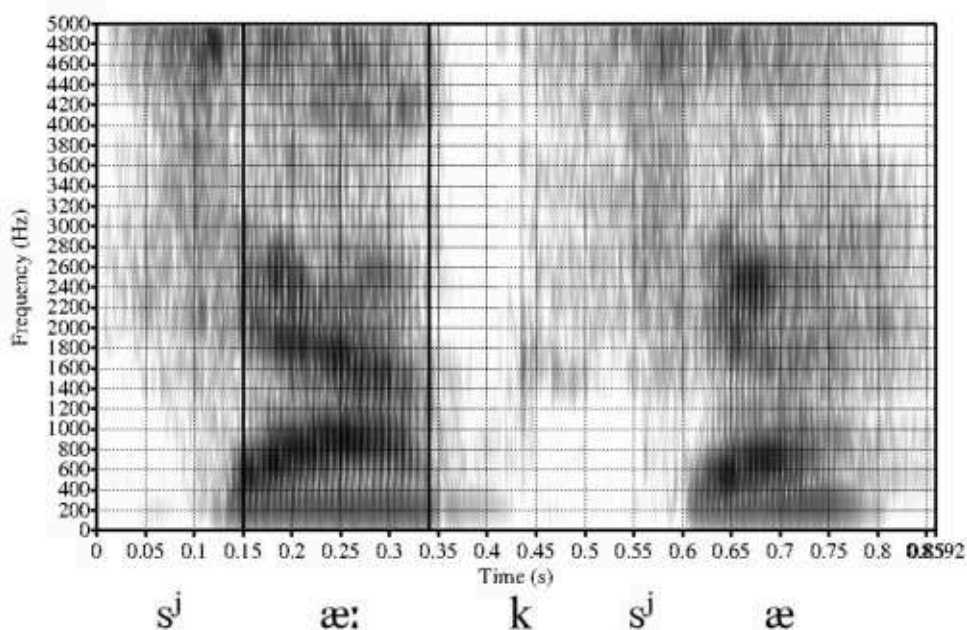
Р и с у н о к 33. Слово /u:mi:/ «скоблить кожу» (D1)

/u/ – огубленный краткий гласный высокого подъёма широкой разновидности (F1 451 Гц), заднего продвинутого вперёд ряда (F2 1053 Гц), средняя длительность – 95 мс. Примеры реализации: /umi:/ «пить» (рис. 34), /uluki:/ «белка», /uɣi:n/ «копыто», /muruɕun/ «короб для хранения предметов для рукоделия», /turu/ «дощечки для привязывания ребенка к вьюку», /kure:/ «загон, изгородь». Как и в предыдущих случаях с долгими гласными и их краткими парами, признак долготы выражается, помимо длительности, разницей в формантных значениях, свидетельствующей о разных градациях подъёма и ряда.

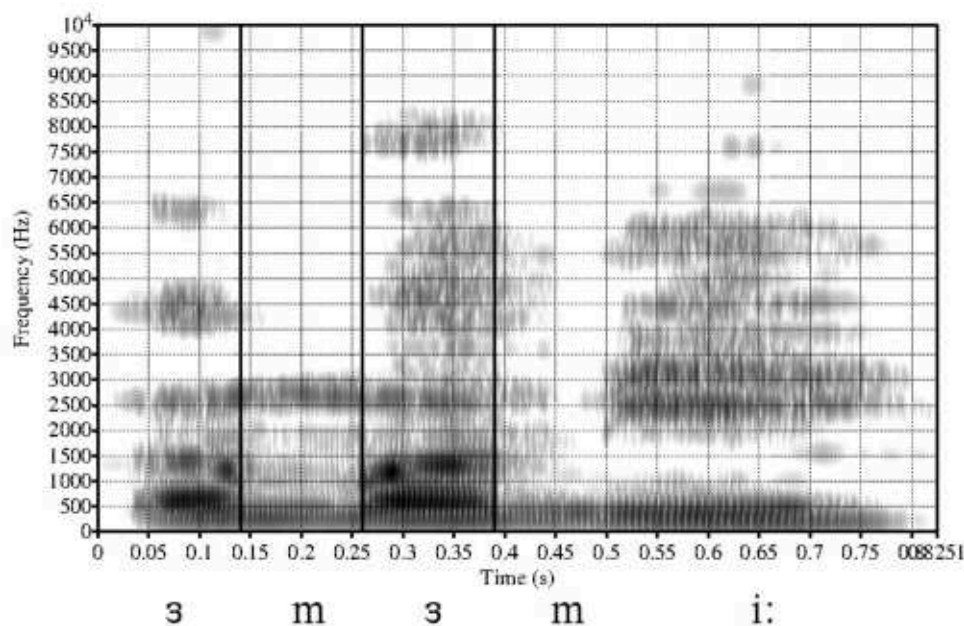
Р и с у н о к 34. Слово /umi:/ «пить» (D2)

/z:/ – в литературном эвенкийском это неогубленный долгий гласный среднего подъёма широкой разновидности, центрального ряда. На исследуемом материале селемджинского говора было выявлено, что дистрибуция данного гласного в нём ограничена. В абсолютном начале слов, например, «звать» эрймй (лит. /z:ri:mi:/) и после твёрдых согласных, например, в последнем слоге слова «коренной житель» (лит. /biβkz:/) и тому подобных примерах реализуется гласный [a:]: [a:ri:mi:], [biβka:]. После мягких согласных фонем (/nʲ/, /dʲ/, /tʃ/) и мягких аллофонов согласных фонем (напр., [ŋʲ], [sʲ], [kʲ], [rʲ]) реализуется гласный [æ:] (как русский /a/ после мягких согласных), например, /sz:ksz/ «кровь» (рис. 35). Формантные характеристики которого в среднем составляют F1 860 Гц, F2 1785 Гц, например, /ŋz:ri/ «свет», /nz:li/ «нагрудник», /kzdzrz:/ «скребок с деревянной ручкой». Средняя длительность указанных реализаций составила 149 мс – промежуточное значение между длительностью долгого /a:/ и краткого /a/. Не исключено, что речь идёт о замене фонемы /z:/ на фонему /a:/, однако на данный момент в этом дискуссионном вопросе рано ставить точку.

Р и с у н о к 35. Слово /sz:ksz/ «кровь» (D1)

/з/ – неогубленный краткий гласный среднего подъёма узкой разновидности (F1 514 Гц), центрального ряда (F2 1431 Гц), средняя длительность – 68 мс. Примеры реализации: /змзмі:/ «прийти» (рис. 36), зг/ «это», /згзкі:/ «коричневая лягушка», /зје:n/ «течение», /тзті:/ «одежда», /сзр/ «карман», /һзгкі/ «брюки», /ју:ктз/ «родник».

Р и с у н о к 36. Слово /змзмі:/ «прийти» (D2)

Сравнение средней длительности фонологически долгих и их кратких пар показывает значительную разницу – долгие более, чем в два раза длительнее кратких. Полученные данные свидетельствуют о том, что длительность, безусловно, является ведущим коррелятом дифференциального признака «долгота», а качественные различия, предположительно, являются сопутствующими коррелятами.

3. Заключение

Таким образом, при изучении звуковых образцов речи селемджинских эвенков были выявлены следующие фонетические явления.

1. Отсутствие придыхания у смычных глухих, основным признаком для различения пар /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/ является поведение голосовых связок. Если ранее экспериментальные исследования фиксировали нерелевантность работы голосовых связок при противопоставлении эвенкийских фонологически глухих и звонких согласных [Матусевич, 1960, с. 134], то в настоящее время при характеристике эвенкийского консонантизма именно этот параметр следует считать акустическим коррелятом данного дифференциального признака. В целом, консонантизм селемджинского говора эвенкийского языка разворачивается по пути озвончения под влиянием русского языка, в котором консонантная система базируется на оппозиции по глухости / звонкости.

2. Зафиксирована широкая вариативность шумных смычных согласных по признакам способа образования преграды и глухости-звонкости.

3. Сохранность противопоставления долгих и кратких гласных с длительностью в качестве ведущего коррелята. На нашем материале относительно длительности эвенкийских гласных выявлены следующие закономерности. В группе долгих гласных отмечено, что чем более закрытый гласный, тем больше его длительность. В группе кратких гласных самыми длительными являются гласные основного треугольника /i/-/a/-/u/. Самой меньшей длительностью в обеих группах обладают гласные /з/-/з/.

4. Противопоставление эвенкийских гласных селемджинского говора по долготе поддерживается различиями по качеству, что подтверждается результатами анализа формантной структуры (F1, F2) долгих и кратких гласных. Полученные результаты не совпадают с более ранними данными, отражёнными в литературных источниках.

5. Произнесение гласных [a:] (в абсолютном начале слов и после твёрдых согласных) и [æ:] (после мягких согласных) на месте долгого гласного центрального ряда среднего подъёма /з:/. Вероятно, такая реализация может привести или даже уже привела к замене фонемы /з:/ на фонему /a:/, о чём свидетельствуют неоднократные упоминания об «акающем» характере селемджинского говора. Следует особо отметить, что в ходе записи словарного материала дикторы испытывали затруднения при озвучивании словоформ, письменная форма которых отражает нормативный «экающий» вариант произношения, который свойственен литературному эвенкийскому языку.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность нашим консультантам-жителям с. Ивановское Селедмжинского района Амурской области за помощь и поддержку при составлении словаря Стручковой Анне Михайловне, Охлопкову Аркадию Афанасьевичу, Никифоровой Раисе Прокопьевне, Софроновой Татьяне Николаевне, Соловьевой Лидии Афанасьевне, Соловьевой Галине Афанасьевне, Соловьеву Леониду Афанасьевичу, Соловьеву Алексею Михайловичу, Стручкову Георгию Афанасьевичу, Колесовой Тамаре Борисовне, Стручкову Виталию Афанасьевичу, Тимофеевой Елене Анатольевне, Чепаловой Татьяне Егоровне, Черноградской Сталине Евгеньевне. Авторы приносят искреннюю благодарность жителям норского таежного стойбища, говорящих на норской разновидности селеджинского говора, за ценные советы при редактировании словаря Яковлеву Афанасию Семеновичу, Яковлеву Леониду Семеновичу, Яковлевой Светлане Семеновне, Яковлевой Марии Семеновне, Яковлевой Наталье Афанасьевне, Яковлеву Евгению Афанасьевичу.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка [Текст] / Т. Е. Андреева. – Новосибирск, 1988. – 142 с.
2. Аниськина, Н. В. Языковая личность современного старшеклассника [Текст]: дис. ... канд. фи-лол. наук 10.02.01 / Аниськина Наталия Васильевна; Ярославский государственный педагогический институт. – Ярославль, 2001. – 288 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Бабушкина, Е. А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики [Текст] / Е. А. Бабушкина // Вестник Бурятского государственного университета. Романо-германская филология. – 2012. – Вып. 11. – С. 7–11.
5. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 168 с.
6. Булатова, Н. Я., Морозова, О. Н., Стручков, Г. А. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь: на материале селедмжинского говора эвенкийского языка [Текст] / Н. Я. Булатова, О. Н. Морозова, Г. А. Стручков / отв. ред. О. Н. Морозова, науч. ред. Н. Я. Булатова. – Благовещенск, 2017. – 210 с.
7. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л., 1948. – 353 с.
8. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М.: ГИИНС, 1958. – 803 с.
9. Виноградов, В. В. О художественной прозе [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: ПРИОР, 1930. – 215 с.
10. Голубева, И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета: на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы: дис. ... докт. Филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Голубева Ирина Валериевна; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2002. – 308 с.

11. Грачев, М. А. Культура речи современного города. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода [Текст] / М. А. Грачев, Т. В. Романова. – Нижний Новгород, 2006. – 261 с.
12. Грачев, М. А. Язык молодежи. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода [Текст] / М. А. Грачев, Т. В. Романова. – Нижний Новгород, 2008. – 255 с.
13. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие [Текст] / Е. А. Земская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 240 с.
14. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика : учеб. пособие [Текст] / Л. Р. Зиндер. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. – 312 с.
15. Иванцова, Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсоналогии [Текст] / Е. В. Иванцова // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. «Филология». – 2008. – №3 (4). – С. 27–41.
16. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю. Н. Караулов // Международный конгресс МАПРЯЛ. Доклад советской делегации. – М., 1982. – С. 105–125.
17. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
18. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет : фонохрестоматия [Текст] / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М., 1995. – 128 с.
19. Китайгородская, М. В. Современная политическая коммуникация [Текст] / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003. – С. 151–241.
20. Коготкова, Т. С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) [Текст] / Т. С. Коготкова // Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики. – М., 1975. – С. 285–301.
21. Колокольцева, Т. Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект [Текст] / Т. Н. Колокольцева. – Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2015. – № 2 (97). – С. 88–94.
22. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л., 1964. – 274 с.
23. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций [Текст] / В. В. Красных. – МИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
24. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету [Текст] / Л. П. Крысин // Литературный язык и культурная традиция. – М., 1994. – С. 262–282.
25. Крысин, Л. П. Речевой портрет представителя интеллигенции [Текст] / Л. П. Крысин // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 483–495.
26. Крысин, Л. П. Культура. Можно ли по речи узнать интеллигента? [Текст] / Л. П. Крысин // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5. – С. 157–164.
27. Леорда, С. В. Речевой портрет современного студента [Текст] : дис. канд. филол. наук 10.02.01 / Леорда Светлана Владимировна ; Саратовский государственный университет. – Саратов, 2006. – 161 с.

28. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение [Текст] / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.
29. Лопушанская, С. П. Взаимодействие русского литературного языка и нижневолжских говоров по данным матричной реконструкции [Текст] / С. П. Лопушанская // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов: сб. статей / отв. ред. С. П. Лопушанская. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 11–22.
30. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Матвеева Галина Григорьевна; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1993. – 52 с.
31. Матусевич, М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных [Текст] / М. И. Матусевич // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1960. – Вып. 40. – № 237. – С. 132–169.
32. Милованова, М. В. Методы изучения языковой личности современного диалектоносителя [Текст] / М. В. Милованова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – №2 (11). – С. 135–139.
33. Морозова, О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийского языке [Текст] / О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 74–85.
34. Немировская, А. В. Изучение базовых ценностей и удовлетворенностью жизнью жителей Красноярского края в контексте разработки социокультурного портрета региона России [Текст] / А. В. Немировская // Материалы Тюменского социологического Форума 15–16 окт. 2009. – Тюмень, 2009. – С. 165–166.
35. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины [Текст] / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. – 1996. – Вып. 426. – С. 112–116.
36. Николаева, Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания [Текст] / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции. – М., 1991. – Ч. 2. – С. 73–75.
37. Оглезнева, Е. А. Социально-речевой портрет современного диалектоносителя (на материале речи М. В. Хлыстова, жителя с. Черновка Свободненского района Амурской области) [Текст] / Е. А. Оглезнева // Народное слово Приамурья. – Благовещенск, 2004. – С. 85–95.
38. Оглезнева, Е. А. Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В. П. Хан) [Текст] / Е. А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2005. – №3. – С. 101–108.
39. Оглезнева, Е. А. Речевой портрет потомка забайкальских казаков на материале речи В. Ф. Фадеева, жителя села Чесноково Михайловского района Амурской области [Текст] / Е. А. Оглезнева, А. В. Блохинская // Слово:

- фольклорно-диалектологический альманах. – 2015. – Вып. 12. Амурское казачество: язык и культура. – С. 77–85.
40. Осетрова, Е. В. Речевой портрет политического деятеля [Текст] / Е. В. Осетрова // Лингвистический ежегодник Сибири / под ред. Т. М. Григорьевой. – Красноярск, 1999. – С. 58–66.
41. Панов, М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. [Текст] / М. В. Панов. – М.: Наука, 1990. – 452 с.
42. Пылаева, О. Б. Об исчезающем языке амурских эвенков [Текст] / О. Б. Пылаева // Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса: сб. науч. тр. / под ред. проф. Г. В. Быковой. – Вып. I. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 58–102.
43. Рахматуллина, А. Н. О разработке фонетического портрета представителей лингвокультурного типажа «английский чужак» [Текст] / А. Н. Рахматуллина // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». – 2011. – № 6. – С. 41–44.
44. Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М., 2009. – 807 с.
45. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции [Текст] / К. Ф. Седов. – М., 2004. – 320 с.
46. Селютина, И. Я. Сравнительная характеристика среднеязычных согласных в тюркских языках Южной Сибири (по данным МРТ) [Текст] / И. Я. Селютина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 94–104.
47. Сиротинина, О. Б. Языковой облик г. Саратова [Текст] / О. Б. Сиротинина // Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 247–253.
48. Сиротинина, О. Б. Человек и его язык [Текст] / О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26. Язык и человек. – С. 3–7.
49. Слесарева, Г. П. Звуковой портрет Агафьи Лыковой [Текст] / Г. П. Слесарева // Материалы Междунар. съезда русистов в Красноярске, 1–4 октября 1997 г. – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 173–174.
50. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Л. А. Афанасьева. – Благовещенск, 2013. – Ч. 1. – 481 с.
51. Сравнительное исследование артикуляционных баз народов Сибири методами высокопольной магнитно-резонансной томографии, цифровой рентгенографии и ларингографии высокого разрешения. Проект №121. Отчёт-2013 [Электронный ресурс] / Н. С. Уртегешев, А. И. Шевела, А. А. Тулупов, И. Я. Селютина. – Новосибирск, 2013. – 16 с. – Режим доступа: http://philology.nsc.ru/departments/lefi/report/Integracionnyy_Proekt_121_Otchet-2013.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
52. Тарасенко, Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.19/ Тарасенко Татьяна Петровна; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 26 с.
53. Тимофеев, В. П. Личность и языковая среда [Текст] / В. П. Тимофеев. – Шадринск, 1971. – 122 с.

54. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.
55. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты [Текст] / отв. ред. Е. А. Земская. – Москва ; Вена : Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
56. Weisgerber, L. Die sprachliche Gestaltung der Welt [Text] / L. Weisgerber. – Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 455 p.

References

1. Andreeva, T. E. (1988). *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* [Sound system of the Tommot local accent of the Evenki language]. Novosibirsk.
2. Anis'kina, N. V. (2001). *Yazykovaya lichnost' sovremennogo starsheklassnika* [Linguistic personality of a modern high school student]. PhD dis. in Philological. Sci. Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University.
3. Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 4th ed. – Moscow : KomKniga Press.
4. Babushkina, E. A. (2012). Rechevoy portret lichnosti: foneticheskie kharakteristiki [Speech portrait of the person: Phonetic features]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Romano-germanskaya filologia* [Bulletin of the Buryat State University. Romance and Germanic Philology], 11, 7–11.
5. Boldyrev, B. V., Bykova, G. V., Varlamova, G. I., Afanas'eva, L. A. (2013). *Slovar' selemdzhinskogo govora evenkov Amurskoy oblasti* [Dictionary of Selemdzha Accent of Amur Region Evenks]. Part 1. Blagoveshchensk.
6. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya*. [Accents of Amur Region Evenks. Research materials]. Leningrad : Nauka Press.
7. Bulatova, N. Ya., Morozova O. N., Struchkov G. A. (2017). *Zvukovoy evenkiysko-russko-angliyskiy tematicheskii slovar'. na materiale selemdzhinskogo govora evenkiyskogo yazyka*. [Sound Evenki-Russian-English Thematic Dictionary]. Blagoveshchensk.
8. Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Outlines of Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad.
9. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow.
10. Vinogradov, V. V. (1930). *O khudozhestvennoy proze* [About fiction]. Moscow : PRIOR Press.
11. Golubeva, I. V. (2002). *Opyt sozdaniya kollektivnogo rechevogo portreta : Na materiale ekspressivnogo sintaksisa memuarной prozy* [The experience of creating a collective speech portrait : On the material of expressive syntax in memoir prose]. Doctoral dis. in Philological. Sci. Krasnodar.
12. Grachev, M. A., Romanova, T. V. (2006). *Kul'tura rechi sovremennogo goroda. Lingvisticheskii landshaft Nizhnego Novgoroda* [Speech culture of the modern city. The linguistic landscape of Nizhny Novgorod]. Nizhniy Novgorod.
13. Grachev, M. A., Romanova, T. V. (2008). *Yazyk molodezhi. Lingvisticheskii landshaft Nizhnego Novgoroda* [Language of the youth. Linguistic landscape of Nizhny Novgorod]. Nizhniy Novgorod.

14. Zemskaya, E. A. (2011). *Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya. uchebnoe posobie* [Russian colloquial speech. Linguistic analysis and problems of teaching: A course book]. Moscow: Flinta, Nauka Press.
15. Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika: ucheb. posobie* [General phonetics: A course book]. 2nd edition, revised. and add. Moscow.
16. Ivantsova, E. V. (2008). Problemy formirovaniya metodologicheskikh osnov lingvoperersonologii [Problems in the formation of the methodological foundations of linguoperersonology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 3 (4), 27–41.
17. Karaulov, Yu. N. (1982). Rol' pretsedentnykh tekstov v strukture i funktsionirovaniyazykovoy lichnosti [The role of precedent texts in the structure and functioning of the language personality]. *Mezhdunarodnyy kongress MAPRYAL* [International Congress MAPRYAL] (pp. 105–125). Moscow.
18. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow: LKI Press.
19. Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995). *Russkiy rechevoy portret: fonokhrestomatiya* [Russian speech portrait: Phonotextbook]. Moscow.
20. Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (2003). Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya [Modern political communication]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language: Social and functional differentiation] (pp. 151–241). Moscow.
21. Kogotkova, T. S. (1975). Zametki ob izuchenii leksiki v individual'noy rechi dialektonositelya (po materialam sovremennykh oblastnykh slovarey) [Notes on the study of vocabulary in the individual speech of dialectonics (Based on the materials of modern regional dictionaries)]. *Russkie govory: K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki* [Russian dialects: To the study of phonetics, grammar, vocabulary] (pp. 285–301). Moscow.
22. Kolokol'tseva, T. N. (2015). Rechevoy portret personazha: sintaksicheskiy aspekt [Speech portrait of the character: syntactic aspect]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences], 2 (97), 88–94.
23. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya*. [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moskow-Leningrad.
24. Krasnykh, V. V. (2001). *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: Kurs lektsiy* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: A course of lectures]. Moscow: MITDGK «Gnozis» Press.
25. Krysin, L. P. (1994). Sovremennyy russkiy intelligent: shtrikhi k rechevomu portretu [The modern Russian intellectual: Strokes to a speech portrait]. *Literaturnyy yazyk i kul'turnaya traditsiya* [Literary language and cultural tradition] (pp. 262–282). Moscow.
26. Krysin, L. P. (2003). Rechevoy portret predstavatelya intelligentsii [Speech portrait of the representative of the intellectuals]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language: Social and functional differentiation] (pp. 483–495). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.

27. Krysin, L. P. (2004). Kul'tura. Mozhno li po rechi uznat' intelligenta? [Culture. Is it possible to recognize an intellectual by speech?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and the present], 5, 157–164.
28. Leorda, S. V. (2006). *Rechevoy portret sovremennogo studenta* [Speech portrait of a modern student]. Athor's abst. PhD in philol. sci. dis. Saratov.
29. Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno-orientirovannoe obuchenie [Lingvopersonology: Types of linguistic personalities and personality-oriented learning]. (2006). Barnaul ; Kemerovo.
30. Lopushanskaya, S. P. (2005). Vzaimodeystvie russkogo literaturnogo yazyka i nizhnevolzhskikh govorov po dannym matrichnoy rekonstruktsii [Interaction of the Russian literary language and Lower Volga dialects according to matrix reconstruction data]. In S. P. Lopushanskaya, *Vzaimodeystvie russkogo literaturnogo yazyka i territorial'nykh dialektov* [Interaction of the Russian literary language and territorial dialects] (pp. 11–22). Volgograd: Volgograd State University Press.
31. Matveeva, G. G. (1993). *Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikatsiya sotsial'nogo litsa («portreta») govoryashchego* [Hidden grammatical meanings and identification of the social person («portrait») of the speaker]. Doctor of Philological sci. dis. Saint-Petersburg.
32. Matusевич, M. I. (1960). Oчерк системы фонем ербогоченского говора евенкиязыкого языка на основе экспериментальных данных [The outline of Phonemic System of Erbogochen Evenki Language based on experimental data]. *Uchenye zapiski LGU. Seriya filol. nauk* [Scientific Notes of Leningrad State University. Series of Philological Sciences], 40 (237), 132–169.
33. Milovanova, M. V. (2012). Metody izucheniya yazykovoy lichnosti sovremennogo dialektonosatelya [Methods of studying the linguistic personality of the modern dialect speaker]. *Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2 (11), 135–139.
34. Morozova, O. N. (2015). Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredneyazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (1), 74–85.
35. Nemirovskaya, A. V. (2009). Izuchenie bazovykh tsennostey i udovletvorennost'yu zhizn'yu zhiteley Krasnoyarskogo kraya v kontekste razrabotki sotsiokul'turnogo portreta regiona Rossii [The study of basic values and the inhabitants of the Krasnoyarsk Region satisfaction in the context of developing socio-cultural portrait of a Russian region]. *Materialy Tyumenskogo sotsiologicheskogo Foruma* [Materials of the Tyumen Sociological Forum] (pp. 165–166). Tyumen'.
36. Neroznak, V. P. (1996). Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personology: Determining the status]. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Yazyk. Poetika. Perevod* [Collection of articles of the Moscow State Linguistic University. Language. Poetics. Translation] (Vol. 426, pp. 112–116). Moscow.
37. Nikolaeva, T. M. (1991). «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya [«Sociolinguistic portrait» and methods of its description]. *Russkiy yazyk i*

- sovremennost'*. *Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [Russian language and modernity. Problems and perspectives for development of Russian studies], reports at the All-Union Scientific Conference] (Chapter 2, pp. 73–75). Moscow.
38. Oglezneva, E. A. (2004). Sotsial'no-rechevoy portret sovremennogo dialektonosatelya (na materiale rechi M. V. Khlystova, zhitelya s. Chernovka Svobodnenskogo rayona Amurskoy oblasti) [Social-speech portrait of a modern dialect speaker (Based on the speech of M. V. Khlystov, a resident of Chernovka village, Svobodnensky district of the Amur Region)]. *Narodnoe slovo Priamur'ya* [Folk Word of Priamurye] (pp. 85–95). Blagoveshchensk.
39. Oglezneva, E. A. (2005). Rechevoy portret emigranta (na materiale rechi predstavitel'nitsy russkoy diaspory v Kharbine V. P. Khan) [Speech portrait of an emigrant (Based on speech by a representative of the Russian diaspora in Harbin V. P. Khan)]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh* [Word: Folklore-Dialectological Almanac], 3, 101–108.
40. Oglezneva, E. A., Blokhinskaya, A. V. (2015). Rechevoy portret potomka zabaykal'skikh kazakov na materiale rechi V.F. Fadeeva, zhitelya sela Chesnokovo Mikhaylovskogo rayona Amurskoy oblasti [Speech portrait of a descendant of Trans-Baikal Cossacks: Based on V.F. Fadeev's speech, a resident of the village of Chesnokovo, Mikhailovsky District, Amur Region]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh* [Word: Folklore-Dialectological Almanac], 12, 77–85.
41. Osetrova, E. V. (1999). Rechevoy portret politicheskogo deyatelya [Speech portrait of a politician]. *Lingvisticheskij ezhegodnik Sibiri* [Linguistic Yearbook of Siberia] (pp. 58–66). Krasnoyarsk.
42. Panov, M. V. (1990). *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vekov* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. Moscow : Nauka Press.
43. Pylaeva, O. B. (2003). Ob ischezayushchem yazyke amurskikh evenkov [On the endangered Amur Evenki language]. In G. V. Bykova, *Amurskie evenki: Bol'shie problemy malogo etnosa: sbornik nauchnykh trudov* [Amur Evenki: Big Problems of a Small Ethnic Group: A collection of Scientific Papers] (Issue I, pp. 58–102). Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University.
44. Rakhmatullina, A. N. (2011). O razrabotke foneticheskogo portreta predstaviteley lingvokul'turnogo tipazha «angliyskiy chudak» [On the development of a phonetic portrait of representatives of the linguistic and cultural type «English eccentric»]. *Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin MGOU. Series «Linguistics»], 6, 41–44.
45. Regiony Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshcherossiyskom kontekste (2009). [Regions of Russia: Socio-cultural portraits of regions in the all-Russian context]. Moscow.
46. Sedov, K. F. (2004). *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: Communicative competence evolution]. Moscow.
47. Selyutina, I. Ya. (2015). Sravnitel'naya kharakteristika sredneyazychnykh soglasnykh v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (po dannym MRT) [Comparative Characteristics of Mediolingual Consonants in the Turkic Languages

- ot South Siberia (MRT investigation)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 94–104.
48. Sirotinina, O. B. (1988). Yazykovoy oblik g. Saratova [Linguistic image of the city of Saratov]. *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Varieties of urban oral speech] (pp. 247–253). Moscow.
49. Sirotinina, O. B. (1996). Chelovek i ego yazyk [A person and his language]. *Voprosy stilistiki* [Issues of Stylistics]. (Vol. 26, pp. 3–7), Saratov.
50. Slesareva, G. P. (1997). Zvukovoy portret Agafi Lykovoy [Sound portrait of Agafia Lykova]. *Materialy Mezhdunar. s"ezda rusistov v Krasnoyarske* [Proc. of Intern. Congress on Russian Studies in Krasnoyarsk] (Vol. 1, pp. 173–174). Krasnoyarsk.
51. Urtegeshev, N. S., Shevela, A. I., Tulupov, A. A., Selyutina, I. Ya. (2013). Sravnitel'noe issledovanie artikulyatsionnykh baz narodov Sibiri metodami vysokopol'noy magnitno-rezonansnoy tomografii, digital'noy rentgenografii i laringografii vysokogo razresheniya [Comparative Research of Articulatory Bases of Siberia Folks by Means of Magnetic Resonance Image, Digital X-ray Radiography and Laryngography of High Resolution]. *Report on the Project N121*. Novosibirsk. Retrieved from <http://philology.nsc.ru/departments/lefi/report/Integracionnyi_Proekt_121_Otchot-2013.pdf>.
52. Tarasenko, T. P. (2007). *Yazykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevykh realizatsiy (na materiale dannykh assotsiativnogo eksperimenta i sotsiolekta shkol'nikov Krasnodara)* [The language personality of a senior pupil in the aspect of her speech realizations (based on the data of the associative experiment and the socioculture of schoolchildren in Krasnodar)]. Athor's abstract of PhD. Dissertation in Philological Sciences. Krasnodar : Kuban State University.
53. Timofeev, V. P. (1971). *Lichnost' i yazykovaya sreda* [Personality and language environment]. Shadrinsk.
54. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.
55. *Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchie protsessy i rechevye portrety* [Language of the Russian Abroad: General processes and speech portraits]. (2001). Moscow ; Vienna : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
56. Weisgerber, L. (1962). *Die sprachliche Gestaltung der Welt*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.